

ЗАВОЕВАТЬ ДОМ

16+

КАРРАУ: КНИГА I
КРАСНЫЙ
КАМЕНЬ
КАРРАУ

THISTLE

o'Daniel Thistle

Красный камень Каррау

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Thistle o.

Красный камень Каррау / о. Thistle — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-2054-9

Спасаясь от убийц учителя, Конрад приезжает в город университетов и крови - старую крепость Каррау. Надеюсь обрести здесь дом и получить должность мага при Принце вампиров. Вот только в городе хаос двоевластия, место мага занято, а собственные демоны столь же опасны, как и те, в чью борьбу он вмешался.

ISBN 978-5-5321-2054-9

© Thistle o., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Глава 1

Город-хищник разбудил меня, прикоснувшись сквозь сон. Как паук в поисках раны, нежно трогающий лицо тонкими лапками.

Стекло больше не холодило голову. Наоборот, согретое кожей, передавало в череп железный стук колес, рывки, когда вагон перескакивал с пути на путь, скрипы торможения. Я прижал пальцы к височной вене, перехватывая стальное биение и отодвигаясь от окна.

Давление города нарастало.

Состав как будто не поднимался на холм, а погружался в темноту океана. Каррау приближался. Город сотни университетов, пяти больниц, исторической крепостной стены – и хищников.

Любой город – город хищников. Но Каррау – хуже. Или лучше. Смотря, что искать. Он особенный.

Крепостную стену я не увидел, но почувствовал всем телом. Поезд нырнул в подземный тоннель, как игла, проталкиваясь в пузырь города. Стена все еще защищала Каррау, все еще формировала его.

Я задохнулся – пленка пузыря прогибалась, выдавливая меня наружу. Воздух застрял в груди, давление на глазное дно, давление в каждой вене, в каждом капилляре. Нарастающее. Нарастающее. Красные пятна перед глазами. Миг, когда казалось, что сейчас разорвутся сосуды мозга. Когда хотелось, чтобы разорвались.

Толчок. Смена путей. Свет.

Поезд вынырнул из тоннеля.

В городе.

Я закашлялся. Под кожей – жар и горечь, но это хорошо. От них хотелось кричать, а крик прочищает легкие. Все акушеры знают. Нельзя только. Не здесь, не в вагоне, полном студентов.

Третий город. Третий город за два дня. Последний. Здесь моя цель. В любом случае еще одного пересечения границы тело не выдержит.

Я приехал в Каррау спрятаться от хищников. Под брюхом у самого кровавого из них. Если он примет мою службу.

Стекло отразило моё лицо: бледная кожа человека, предпочитающего книги свежему воздуху. Стянутые в мягкий хвост волосы растрепались. Круги под глазами, крылья тонкого длинного носа покраснели, а губы пересохли и потрескались. Я облизал их. Потянулся к сумке за водой, но рука нащупала пустоту. Забыл, что оставил ее в камере хранения предыдущего вокзала. Пришлось бежать, бросив даже то небольшое, что я успел в спешке захватить из дома. В итоге, с собой у меня лишь содержимое карманов: кошелек, документы, футляр с картами, маленький овальный камень – мертвый камень учителя, который сослужит мне в последний раз, и дневник брата Блая с открытой-закладкой в самом конце. На открытке – пылающий монах. Всегда, когда вижу её, мне слышится запах горелой плоти. Чем дольше вещь с тобой, тем большей властью обладает. Мы как сороки.

На всякий случай я еще раз проверил карманы пальто, поправил дневник так, чтобы не бил меня острыми краями на каждом шаге.

Поезд вскрикнул тормозами, болезненно-медленно подъезжая к вокзалу. Звуки голосов, шарканья и возни в коридоре становились громче, беспокойнее.

Пора.

Я дважды с силой вдохнул и с силой выдохнул, разгоняя ци под кожей. Проверил, не забыл ли что-нибудь в купе и вышел в коридор, к толпе детей, сонных, но радостных. Болтающих, трущих глаза, нервно улыбающихся. Каррау – город студентов, а утром – начало второго семестра. Может быть, здесь, в вагоне, есть тот, кто станет моим учеником.

Шок от перехода границы отступал, возвращалась тонкая нервозность с примесью радости: новый город. Трепет в желудке, который почему-то связывают с влюбленностью. Что ж, если так, я влюблен в открытия. Каррау – открытие. Опасное, будоражащее, горькое.

Я застегнул пальто и, следом за детьми, вышел на перрон, в холодный воздух ночного города. Низкие пустые платформы. Одноэтажное здание вокзала, освещенное разреженным нездорово-лимонным светом высоких фонарей. Ноябрь холоден и сух.

Я замер, позволяя городу, как большому незнакомому псу, себя обнюхать. Узнавать вкус моей кожи – решать “свой” ли я. Могу ли стать “своим”. Пассажиры растянулись длинной цепочкой, двигаясь к раскрашенному фосфоресцирующим белым, как ребра скелета, переходу между платформами.

Город знакомился со мной. А я с ним. Всмотривался в его потоки и пульс, в волнообразные движения его бытия и структуру.

Пустота за спиной. Она потянулась ко мне инстинктивно – отвечая на “приглашение”, которое я послал Каррау. Глотка дыры с острыми треугольными зубами. Я закрылся. Обернулся медленно.

В десяти шагах от меня стоял мертвый. Высокий, седой, с костлявым лицом. Похожий на отставного военного. Под легкой шелестящей курткой, распахнутой несмотря на ноябрьский холод – белая выглаженная рубашка.

Скрестив на груди руки, вампир провожал приезжих задумчивым долгим взглядом. Оценивая. Выбирая. самого медленного? самого одинокого? самого живого?

Но студенты прошли, а он все еще стоял.

Я двинулся к переходу – мертвый, не размыкая скрещенных рук, пошел следом. Держась так, чтобы не коснуться моей Тени ни ботинком, ни своей тенью – растрепанным темным пятном у самых ног. Человек, который никому ничего не должен. Почти.

Я ускорил шаг. Мертвый тоже.

Сердцебиение рвануло вперед, опережая и подстегивая. Радостное волнение сменилась пониманием: нельзя было останавливаться. Самый медленный, самый одинокий и самый живой из приезжих – я. Он за мной идет. Он на меня открыл охоту.

Дети беспокойной тесной группой, чувствуя опасность, как всякие прирожденные жертвы, пробежали переход и скрылись в желтой теплоте здания вокзала. Я остался на платформе один. Один на один с вампиром.

Переход. Если успеть к нему – меня будет видно через окна зала ожидания. В теории. Он не рискнет напасть на виду? Вряд ли это “вид”. Но место должно просматриваться камерами наблюдения. Слабые надежды. И всё же – переход. Не бежать.

Быстрым шагом я дошел до белых ребер разметки. – Навстречу второму вампиру, шагнувшему ко мне из темноты.

Этот был младше. По крайней мере, выглядел младше. Невысокий, худой, волосы торчат в разные стороны, бледное лицо выбелено пудрой. Десяток цепочек на кожаной куртке – как гирлянды на новогодней елке.

Острое чувство противоестественного: вампиры не только шагали бесшумно, но на панке не звякнул ни один кусочек металла.

Я остановился рядом с фонарем. Расслабленно опустил руки. Шагнул в сторону – так, чтобы видеть обоих мертвых одновременно, пусть и краем зрения. Военный оказался ближе, чем я думал.

– Вы неверно выбрали. – Мой голос спокойнее, чем я сам. Сух, но не прерывается. Двое – в бесконечность раз больше, чем то количество демонов, с которыми я бы хотел сейчас драться. Любые числа на ноль – бесконечность.

– Почему? – У панка оказался высокий женский голос. Под белилами, грязными лохмами и потёртой курткой скрывалась девушка.

Военный приблизился еще на один мягкий плавный шаг.

Я расслабился, вrostая в землю. Чужую землю – город не принимал меня. Он мне не поможет.

– Принц будет недоволен. – Сказал я пространству между вампирами. – Он ждет меня. Я приехал по приглашению.

– Принц? – Рот девушки-панка треснул, раскрываясь красной щелью-улыбкой. – Принц никого не ждет. Это его дожидаются.

– Ты меня поняла. Уйди с дороги.

– ... но зачем ему слабак? – Вампир подкрадывалась легкими шагами.

Я понимаю, почему её выбрали. Она чиста. Ни сомнений, ни незавершенных дел, ни сломанных обещаний. Чиста, как снег, как бумага, как спирт. Ни клочка тени у её ног.

Я отступил в сторону, обходя фонарь. Всегда быть между: слишком близко к свету – слишком мал круг тени, слишком далеко – слишком слаб.

– Лиз. – Запоздала предупредил Военный.

Вамп уже стояла на самом крае моей Тени. Я сместился, захватывая её гренадеры тьмой, такой же голодной, как та, что у нее вместо сущности.

– Отпусти. – Женский голос перешел в хрипкое рычание.

– Это не пат. – Военный обходил меня с другой стороны. – Ты не можешь так стоять вечно. Есть еще я.

– Есть добыча легче. – Тихо предупредил я. Как же я устал... От всех, от каждого, кто желает моей силы. Я спать хочу.

В земле отосплюсь, если не придумаю как от них отвязаться.

Девушка дернулась на месте. Рык сменился визгом:

– Отпусти меня!!

Военный бросил взгляд на вокзал:

– Лиз. – Предупреждающе.

Панк умолкла. Мертвое не дышит – но она хватала воздух быстрыми мелкими вдохами, подавая панике.

– Мы вас сопровождаем, а не преследуем. – Сказал Военный. – Принцу ... интересно ваше присутствие в городе.

Сопровождают? Давно? Я не чувствовал. Ехали в поезде со мной? Почему я не заметил? Я дремал... – Холод по спине от осознания, какой легкой добычей я был. И остаюсь.

Пока что они лишь шли за мной, не проявляя агрессии. Если зачинщиком буду я – нет ни шанса, что меня примут. Вампиры мстят за своих тройной кровью.

Я выдохнул. С усилием, медленно потянул на себя Тень. Подчиняясь термодинамике: вкладывая энергию, чтобы изъять энергию из насильно созданной связи – между пустотой Тени и пустотой вампа.

Ловушка раскрылась. Девушка отскочила в сторону, как кошка и на этот раз цепочки звякнули.

– Пожалуйста. – Военный широко повел рукой, предлагая мне размеченный белым путь, как ковровую дорожку.

Холодный ветер подталкивал в спину, пробивался сквозь плотную ткань пальто. Руки тянулись обнять себя за ребра, или хотя бы передернуть плечами. Жесты уязвимости. Если я отвернусь и пойду первым – вампиры окажутся у меня за спиной. Набросятся одновременно – и я умру прежде, чем моя голова коснется асфальта. Если я покажу, что боюсь их – всё будет хуже. Дольше.

Я пошел вперед. Немертвые шагали сзади – ощущением тянувшей пустоты, как от сорванного гнойника. Избегая моей Тени, длинным черным языком вытянувшейся вперед. На пере-

ходе я наступал только на белые линии, избегая промежутков. Поднял ворот пальто, прикрывая шею от ветра – и от пристальных голодных взглядов.

– Принцу интересно ваше предложение. – Говорил Военный у меня за спиной. – Это дословное послание.

Когда немертвого не видно, кажется, что тела у него нет, а голос звучит из пустого места. Потому что сущности нет. Я старался держать Военного и Лиз боковым зрением, но оба, чувствуя внимание, ускользали. Всё равно, что ловить ртуть.

– Сегодня в расписании есть окно, и вас примут. – Продолжал вампир.

– Вы оба голодные.

Лиз зашипела.

– Сначала работа – затем развлечения, колдун.

Я шагнул на последнюю белую полосу, выходя на первую платформу – рядом с лимонным зданием. Если я рвану к вокзалу, есть шанс сбежать от них. Крохотный, но есть. На большом электронном табло цифры сменились на половину второго полуночи.

– Куда теперь? – Обернулся я к Военному.

Еще один широкий жест – в сторону. К кованым воротам сбоку от здания, ведущим на привокзальную площадь.

Лиз, игнорируя калитку, подошла к воротам первой. Открыла их ключом и распахнула, пропуская меня.

Изысканная ковка изображала сцену охоты: олени с тонкими ногами и стрелами в бедрах. Всадники и собаки, и жестокое рогатое божество, благословляющее убийство из-за голых деревьев.

– Будьте вежливы, – говорил Военный, шагая на границе моего зрения. – Ваш вид славится отсутствием манер.

– Вид?

– Вы меня поняли.

Я обернулся:

– Вызовите мне такси. Я приведу себя в порядок. – Выплюсь. – И тогда встречу с Принцем. Вот это – будет проявлением вежливости. Со стороны всех участников.

Военный тонко улыбнулся:

– Автомобиль ждет.

Автомобиль ждал. Длинный, белый и бронированный. Он ощущался так, как прежде ощущались лишь танки: тяжесть, которая продавливает саму реальность. В отличие от танков – с изяществом.

Автомобиль Принца. Бронированный. За мной.

– Будьте вежливы, и сможете попросить себе достойное жалование. – Говорил Военный менторским тоном.

– Мне не нужно жалование...

– Или женщину.

Лиз, которую я потерял из вида и пытался нащупать, выдала себя хихикнув.

Я “нашел” её на высоте своего роста. Она висела на воротах, как обезьяна.

Не только её. Еще несколько “дыр” шелкающей зубами пустоты, тянулись ко мне.

– Я не настолько важен. – Заметил я, насчитав еще четырех вампиров.

– Вы и не представляете... – Выдохнул Военный. – Но это посторонние.

“Посторонние” скрывались во тьме, и выходили один за другим, словно в игре – по мере того, как я их обнаруживал.

Лиз спрыгнула с ворот и встала с Военным спиной к спине. Мужчина казался невооруженным. В руках панка блеснули ножи.

Они собирались защищаться. Защищать друг друга – но не меня.

Четверо... пятеро. Пятую из “посторонних” я не смог засесть – она вышла сама. Как и у Лиз, у нее не было тени. Идеальное существо, уравновешенное в помыслах и охоте.

Она вышла вперед гибкой кошачьей походкой. Маленькая женщина с огромными раскосыми глазами и волосами цвета лунного света. Длинные и прямые, они были уложены как драгоценности на воротнике из лисицы. Под узким распахнутым пальто – черный комбинезон, подчеркивающий почти детскую фигуру. Высокие сапоги обливали ноги белым лаком.

Вампир держала в руке деревянную коробку, расписанную черными и красным узорами.

Ее свита – четверо высоких и широкоплечих немертвых, в одежде мешковатой и невзрачной, с запавшими щеками на серых лицах и выступающими челюстными костями.

– Терция. – Военный медленно кивнул ей. При желании такой кивок можно было трактовать как неглубокий поклон.

Он специально назвал её имя. Как и имя Лиз, кстати. Женщина на него не смотрела. Она смотрела мне в глаза.

– Колдун идет с нами. – Голос ее оказался тих и мелодичен.

Мелкие шаги ко мне. Выдох приоткрытым ртом.

– Колдун идет с нами. – Журчал ее голос. – Садиться в наш автомобиль. Едет с нами. Колдун будет доволен.

– Кто вы?

– Колдун узнает всё в свое время. Сейчас он... послушный мальчик? – Терция приблизилась ко мне на расстояние дыхания. Протянула пальцы, как если бы собиралась погладить щеку. В коробке что-то стукнуло, переместившись к другому ее краю. Что-то меньшее, чем сам ящик.

– Что внутри?

– Подарок.

Она всё-таки коснулась меня. Холодной нежной рукой – к скуле, острыми покрытыми синим лаком ногтями – у глаза.

– Книга. Мальчик любит книги. – Выдохнула Терция.

– Я не знаю, кто вы.

Год назад Каррау правил Принц Агтайн единолично. Всё указывало на то, что это так и сейчас. Я договаривался с Принцем... точнее, я оставил сообщение его дневному секретарю. Вчера. Сейчас эта женщина идет против Принца, пытаясь переманить меня к себе. Под носом у людей Принца. Переманить книгой.

Наверное, карты правы и Принцу очень, очень нужен колдун.

– Мальчик не знает, кто я. – С сожалением. Рассматривая мое лицо как неизвестное доселе произведение прославленного мастера, найденное на влажном чердаке. С любопытством – и скорбью.

– Меня зовут Конрад.

– Конрад. – Терция улыбнулась. Не по-вампириски, обычно, показав ямочки и кончики клыков. Ее макушка едва достигала мне до подбородка.

И она была старой. Не просто старой – состарилась в Каррау. Вплетена в ткань города, как сильное крепкое волокно. Город будет ее защищать.

– Я обязан переговорить с Принцем, леди. Я на его территории.

– Ах!

Терция ударила меня по лицу.

Я видел, как приближается белая тонкая рука, но ничего не успевал. От пощечины клацнули зубы, а сам удар оглушил, как будто по затылку.

Мир рывком накренился. Перед носом – асфальт и белые лаковые сапоги. Во рту – кровь, железный густой привкус. Я сглотнул и плотно сжал губы. Развернулся, оставаясь на коленях,

прижав подбородок к груди и упираясь одной ладонью в асфальт. Просторный плащ для боя скрыл от нее мои руки и ноги. Не позволяя увидеть, к чему я готов.

Ни к чему я не готов.

Военный и Лиз, забыв обо мне, так и стояли спина к спине.

Терция метнула руку к моему горлу. Я отбил её в сторону, продолжая движение – и придавая ей ускорение по удару. Не отпуская, развернул вокруг себя – пытаюсь вбить женщину лицом в землю. Сбить с высоких каблуков. Она легче, она меньше, она неудачно одета. ... Она вампир.

В асфальт лицом полетел я.

Терция перехватила моё запястье и вывернула назад. Заставляя болью отвести плечо, развернуть грудную клетку. Пластыри на груди отодрались, сдирая кожу.

Терция, как огромную куклу, потянула меня вверх и за собой. Не обращая внимания на то, что я пытаюсь удержаться, схватиться пальцами за землю. Это для нее не имело значения.

– Ты чувствуешь кровь? – Отдаляющийся голос Военного.

– Да. Хм. Я определенно чувствую кровь. – Лиз. – Он хорошо пахнет. Да?

Мужской вскрик.

Я обернулся. Терция дернула мою руку, едва не вывернув из суставов.

Второй вскрик.

Ножи Лиз двигались в темноте серебристыми росчерками, то появляясь, то исчезая. Я не видел девушки – лишь лезвия, и редкий отблеск на железе цепочек. Как дерется Военный я не видел вовсе. Двое из вампиров Терции насели на них, пытаюсь разделить. Оставшиеся стояли на месте, целясь из полуавтоматов в мерцающую быструю кашу, ожидая, пока товарищи, как гнус, отпрянут в сторону – открывая место для расстрела.

Я схватился свободной рукой за колено Терции, рывком разворачиваясь вокруг неё.

Ударяя головой ей в живот.

Терция качнулась назад, утратив на миг равновесие. Удар соскользнул. Моя макушка стукнула ей подбородок. Сухой клацающий звук сомкнувшихся зубов. Откинувшаяся на миг маленькая голова, открытая шея с отпечатком уродливого шрама – от уха до уха. Еще один сухой звук: моя рука.

Я заорал. Город проглотил мой крик, заглушив деревьями и ветром.

Город хотел меня ей отдать.

Я мешаю ему, как камень, попавший в обувь.

Глаза Терции стали опалово-белыми. Рот – черным, от собственной крови. Губы опухали, пробитые её же клыками. Кровь капала на подбородок и на лунные волосы. На меня – когда она наклонилась надо мной, втягивая маленьким носом воздух. Принимаю её.

Я схватил её за волосы и потянул. Не волосы – её всю. Её голод. Её пустоту. Всё то, что и так было рядом с поверхностью. Вытаскивая. Помогая освободиться из-под скорлупы. Подталкивая того, кто и так балансировал на краю.

Она подалась ко мне – за своей жадной. Я швырнул женщину и пустоту в её внутренностях на двинувшегося к нам вампира. Терция врезалась в него, подстегиваемая не только моей силой, но и своей. Запрыгнула на спину, обхватив ногами за талию, сжимая руки вокруг рук. Разрывая зубами ему глотку.

Дело двух секунд. Двух – потому, что она обернулась прежде, чем выдрать кусок трахеи из горла того, кого привела за мной.

Второй вампир медлил, не решаясь выстрелить в хозяйку. Она прыгнула на него, приканчивая так же целеустремленно, как первого. Пытаюсь насытить то, что нельзя насытить. Не отрывая голодного злого взгляда от меня.

– Что ты разлегся? – Лиз схватил меня за ту же руку, за которую волокла Терция. Боль прошла её от кончиков пальцев – до позвоночника. Я задохнулся.

Девушка втолкнула меня в автомобиль, затормозивший у моих ног.

Водитель рванул с места прежде, чем дверь захлопнулась. Лиз споткнулась и свалилась на меня.

На здоровое плечо.

– Есть? – Сидящий за рулем Военный.

– Ха! – Лиз перебросила ему красно-черную коробку. Мужчина поймал её. Потряс. Положил на колени, прижав рукой.

– Что в коробке? – Отпихнул я от себя девушку.

– Как мы её, а?! – Подпрыгнула на месте Лиз.

– Что в коробке?!

– Хха! – Но это “хха” было лишь частично “Хха, мы победили!”. Это было “Хха, вряд ли мы тебе скажем”.

Водитель шумно потянул носом воздух. Посмотрел на нас через зеркало.

– Она его цапнула? – Спросил он.

– О да, ты видел?! На своих кинулась, когда...!

– Человека.

Девушка-панк замерла. Расплываясь в нежной-нежной улыбке, переведя на меня обожающий взгляд.

Рука ныла, наливаясь тяжестью и жаром.

Но – я почувствовал только сейчас – груди тоже горячо. Горячо и влажно. Царапина разошлась.

Я отодвинулся в угол салона. Медленно. Прочь от подавшейся ко мне Лиз. От обернувшегося в мою сторону Военного. Их ноздри раздувались, а из зрачков на меня смотрела жажда.

Два одинаковых голодных взгляда, струйки крови стекающие у меня по груди под одеждой – гадко и тепло. Успокаивающий шепот двигателя броневедомобиля и тонкий едкий запах дезинфекции, смешивающийся с запахом кожаных сидений.

– Я уже говорил, что я не легкая добыча?

Военный кивнул и отвернулся – смотреть на дорогу. Лиз таранилась на меня, облизывая губы светлым острым языком.

Всё время, пока мы не приехали в резиденцию Принца Города.

Вода горячими ласковыми пальцами массировала напряженные плечи. Стекала по спине и рукам, вниз, в слив. Я выпрямился, подставляя струям лицо. Закрывая глаза и замирая. Позвоночный столб – единая ось, руки скрещены на груди, мысли спокойны. Видя сквозь веки, как чиста и стерильна вода, падающая на меня, застывшего между Небом и Землей. Видя, что начала нитей – в небе, а не в насадке душа. Позволяя этой небесной воде входить в мое тело – через макушку, через лицо, через кожу. Смыть усталость и боль, скопившиеся в мышцах. Становясь при этом чернее и чернее, пока, у самых ног, вытекая из моих ступней, вода не приобретает цвет тени.

Рука, за которую меня тянула Терция, отходила. В ней теперь – холод, а не жар. Подергивания мелких мышц. Небольшое растяжение, не вывих, как мне показалось. Я сжал и разжал пальцы, проверяя подвижность. Теряя концентрацию – вода вновь была просто вода, освежающая кожу, а не дух.

Вампиры провели меня сюда через черный ход, тайно. Маленькая гостевая комната в конце коридора, с душем и уборной. Смыть кровь прежде, чем запах заставит какого-нибудь птенца совершить глупость.

Моя тень на полу выросла.

То, что я сделал с Терцией, увеличило рану и сила вытекала из нее, как из пробитой бутылки. Вот что они чувят, а не кровь. Кровь лишь носитель.

Я стоял под горячим душем, и меня все равно пробрала дрожь. Хищники за мной идут. Хищники снаружи и внутри. Идут, и достигнут. Если я ничего не сделаю.

Я приехал просить защиты у Принца. Вампиры всегда с кем-нибудь воюют. За территорию, за стадо. Каррау – богатый город. Там, где война, найдется место для волшебника. Надеюсь на это.

Я оставил сообщение дневному секретарю Принца – день назад. Предупредил о своем прибытии, и просил разрешение на вход в город. В ответ получил обещание передать мои слова. Откуда вампиры следили за мной? С какого города? Как много успели узнать?

Узнать, и вовлечь в свои интриги. Терция, которая не подчиняется Принцу, и создает собственных птенцов. Коробка, которую она хотела мне отдать – и которую унес Военный. Моя тень, ставшая больше, после того, как я вскрыл её голод, словно гнойник. Беловолосая вампир будет мстить.

Защита Принца нужна еще больше. Для этого всё было задумано? Чтобы я нуждался в Принце, а не он во мне?

Вода оставалась горячей и ласковой. Но я всё равно замерзал. Кто-то вошел в комнату – по-вампирски бесшумно – но принес с собой пустоту, и сквозняк.

– Лиз? – Я приоткрыл дверь душевой, выглядывая в гостевую. – Ты говорила для меня найдется... одежда?

Женщина в золотом бальном платье, пышном и роскошном, стояла в центре маленькой комнаты, заполнив собой всё пространство. Её лицо было тонким и светлым, шея – изысканно-длинной, как и скользящие в воздухе, словно ощупывающие невидимые нити, руки. На гладком лысом черепе вытатуирован синий цветок.

За открытой дверью в коридор – двое стражей-вампиров.

Я схватил полотенце, обернул бедра, и шагнул в комнату.

– Миледи. – Опускаясь перед ней на колени. Одну руку прижав к груди, а второй придерживая полотенце.

Принц развернулась. Прошла к двери – и заперла её.

Между её грудей, подчеркнутых пышным платьем, синела еще одна татуировка – ключ.

Я опустил на колени, придерживая одной рукой полотенце на талии, а другой закрывая рану на груди, которая только взялась коркой. Глядя в пол – всё равно я чувствовал Принца, её голодную природу – рот, открывшийся в комнате, и засасывающий тепло. Вода капала с волос моих на ковер. Влажная кожа остывала. Я не шевелился, замерев под её взглядом.

Она может вцепиться мне в горло сейчас, и на этом всё закончится. Она – Принц. Вплетена в структуру города как несущая нить. Как сосуд, в который входят тысячи ручьев.

Маленькие розовые туфли остановились рядом с натекшей с меня лужей. Прикосновение к макушке – едва различимое. По позвоночнику пробежали мурашки.

Я не поднимал головы, и она это сделала сама: взяла меня за подбородок сухими пальцами, приподнимая лицо вверх. Короткие бесцветные ногти впились мне в кожу и потянули. Выше, еще выше. Заставляя поднять голову, выпрямиться, и – встать.

Принц не разрешала говорить, и я держал во рту все те слова, что приготовил для аудиенции. Я их скажу. Но позже. Когда буду одет.

Принц убрала пальцы от моего лица – чтобы сжать запястье. Отводя мою руку от груди и заставляя открыть рану.

Длинная полоса, от ключицы, вдоль центральной линии тела – по груди и животу, резким изгибом – к ребрам слева. Запекшаяся корка, неприятно воспалившиеся края. Царапина неглубокая, чистая, но всё не закроется. Потому что я то бегу, то с немертвыми сталкиваюсь.

Быть в домусе клана само по себе – огромный риск. Но прийти сюда с кровотечением – всё равно что с наклейкой «съешь меня».

Принц прижалась взглядом к ране. От того, как она смотрела, стало горячо и жутко.

Рывком подалась вперед – прижимаясь прохладными губами к моей груди. Я заставил себя стоять. Сжал кулаки, задерживая дыхание, замирая.

Оттолкнуть её будет оскорблением. Но не позволять же себя укусить.

Она не кусала.

Она слизывала чешуйки крови, вновь и вновь проходя языком по ране. Язык её был светло-розовым и шершавым, как у кошки. Каждое прикосновение – дерущая боль и влажный холод. Я отпустил полотенце и уперся ладонями ей в плечи – холодные, открытые широким вырезом платья, нажимая – пытаюсь ее легко отодвинуть.

Принц разодрал рану, и выступила кровь. Ее тело сотрясла дрожь. Она опустилась ниже – вылизывая и раздирая еще сантиметр царапины. С целеустремленностью голодной ящерицы.

Меня передернуло. И я ее оттолкнул.

Вложив силу в руки, отшвырнув от себя на несколько шагов.

Взгляд вампира полыхнул голубым. Тонкие линии бесцветных бровей сдвинулись, очерчивая глубокие недовольные морщины. Язык дважды прошелся по губам облизываясь.

Принц отступила. Вытерла рот шелковым белым платком – и тут же спрятала его в манжету.

Махнула напряженной рукой – словно отбивая удар. Указывая на стопку одежды рядом с моим пальто. Развернулась и вышла из комнаты.

В первый и последний раз так быстро я одевался во время ночного пожара в лаборатории. Натягивая свежую, хрустящую ткань поверх влажной кожи, путаясь в рукавах и штанинах.

Одежда из тонкой, чуть колючей шерсти: просторные темно-синие брюки и белое кимоно. Я схватил пальто, и побежал вслед за Принцем, преследуя край золотого платья и завязывая на бегу пояс.

Догнав Принца, я держался в двух шагах от нее. Вампир свернула в широкий коридор, который превратился в анфиладу комнат. Мы шли сквозь арки, каждая из которых обозначала вход в следующий зал. Все – цвета её платья: золото и белизна. Старое барокко. Витые лепнины на стенах, узкие длинные жесткие диваны и подушки на полу – белые мраморные плиты отражали звуки моих шагов, но не шаги Принца. Тонкие золотые клетки с чучелами скворцов. Растения из металла и перьев.

Немертвые.

Каждый зал полон немертвых. Они умолкали – монотонный шум разговоров, как гул пчелиного роя, обрывался, словно Принц – приливная волна, оглушающая своим присутствием. Они оборачивались. Склонялись, приветствуя её. Кто – до мраморных плит. Кто – едва опуская голову. Двое легли, уткнувшись лицом в пол, и вытянув вперед руки.

Принц не останавливалась, чтобы ответить на эти приветствия. Через вытянутые руки мне пришлось переступить.

Последний зал.

Не самый большой, но самый заполненный. Без диванов, топчанов или клеток. Белый концертный рояль в углу. На всю стену – сплошное полотно из сотен портретов: череда мужчин и женщин, стоящих плечом к плечу, как перед боем. Панно оборачивало угол зала и тянулось еще немного по смежной, короткой, стене. Так, что плечо последнего нарисованного немертвого, подпирало изящное кресло, с белой подушкой и золотой кованой спинкой.

Принц, резким движением подобрав юбки, села в кресло. Осматривая хищным взглядом застывших, словно лес деревянных истуканов, немертвых.

Здесь правили законы, которых я не знал. Вежливость, в которой не разбирался.

Я отошел в сторону и назад – уходя из области её бокового зрения. Не зная как себя вести, лучше вести себя естественно. И сохранять спокойствие. Даже в зале, полном ожидающих вампиров. Принюхивающихся.

Я проверил все завязки на кимоно. Застегнул пальто. И сел перешнуровать ботинок.

Мгновения неподвижности закончились. Немертвые двинулись, словно в поставленном танце, подходя к Принцу, отступая целыми группами, сдвигаясь в стороны. Пока в центре зала не освободилось пространство, а в нем, в шахматном порядке, выстроились вампиры, и каждый держал человека. Одна рука закрывает жертве рот, другая – под грудь, прижимает к себе, как самое дорогое на свете. Двенадцать вампиров – двенадцать человек. Парни и девушки, все – не старше двадцати. Дети.

Единственный звук: быстрое дыхание пленников. Шарканье их ног, когда, подчиняясь рисунку танца без музыки, шагали немертвые. По одному выходя вперед, так, чтобы Принц могла рассмотреть лучше добычу. Отступая. Изящно разворачиваясь – и разворачивая шаркающих подростков, с расширенными взглядами и белыми лицами.

Неприятный электрический зуд волной прошел по коже, когда чужая тяжелая тень пересеклась с моей Тенью. Из-за трона Принца выступил немертвый. Он выглядел лет на тридцать – невысокий и шуплый, с волосами неопределенного серо-коричневого цвета, которые давно пора подстричь, с неровной обветренной кожей, длинным острым носом и пристальным светло-голубым взглядом. Потертые джинсы и кожаная куртка, которую носят не первый год – в отличие от разодетых в бальные наряды вампиров в зале. Он был похож на мелкую старую птицу – неряшливую и опасную.

Вампир подошел ближе ко мне, до соприкосновения.

– У нас освободилось одно место. – Сказал он шепотом. Шепот гас тут же, не расходясь по залу. «Дыра» в акустике – как раз за плечом Принца. – Сегодня к нам присоединится новый брат. Или сестра.

Долгий взгляд, изучая движущиеся, словно в балете, пары:

– Нет, брат.

Девушек было трое. Субтильные, перепуганные, в вечерних платьях. Одна плакала, некрасиво раскрасневшись.

– Их двенадцать. Не один.

Вампир быстро улыбнулся:

– Разве люди не отмечают праздник хорошей едой?

Кружение прекратилось. Теперь пары расходились, формируя букву «П», разомкнутой стороной к Принцу.

– Твое видео популярно. – Заметил вампир.

– Видео?

– С Терцией. Хотя ракурс мог быть лучше.

Провокация и испытание. Принц позволила Терции узнать, где я буду. Чтобы посмотреть, как я буду реагировать. А Лиз, или Военный, снимали. Нет, точно Лиз. Решила со всем миром поделиться.

– Я должен на это смотреть? – Когда в образовавшийся квадрат втолкнули двух мальчишек. Каждый из вампиров, державших их, что-то прошептал парню на ухо. И каждый вложил жертве изогнутый нож в руку.

– Если не хочешь, чтобы и тебя съели. – Пожал плечами длинноносый.

Еще одно испытание. Неслучайно же совпал их «праздник» с моим приездом.

– Меня непросто съесть.

Вампир положил ладонь мне на плечо, доверительно сообщая:

– Ты бы знал, сколько раз я это слышал.

Дети в круге арены. Одному лет шестнадцать, лицо розовое от прыщей. Второй старше. Взял нож нижним хватом, но двигается неуверенно. Младший оглядывался, ища поддержки. У вампира, втолкнувшего его драться. У Принца, восседающей на троне. У других пленников.

Долго смотрел. Второй рванул к нему, и воткнул нож в плечо. Закричали оба. Кровь брызнула на белые плиты зала. На вампира, бросившегося разнимать. На зрителей. Веселый девичий хохот: Принц смеялась, запрокинув безволосую голову и открыв тонкую гладкую шею. Как девчонка, которой показали занятный фокус.

Мальчишек увели, разводя по разные стороны арены. Раненый всхлипывал.

Еще двое. На этот раз девушки. Победила та, что плакала. Она отшвырнула нож в сторону – тот со звоном пролетел по мрамору, и бросилась на противницу. Повалила на пол, подмяла под себя, и расцарапала ей лицо.

До первой крови. Вампиры вдыхали её запах, как голодные духи предков, раздувая ноздри и подаваясь вперед.

– Победители потом дерутся с победителями? – Спросил я у носатого, который тоже потянулся к центру зала – на невидимой нити желания. Вампир моргнул. Улыбнулся. Встал, где стоял: рядом со мной, но в тени трона Принца.

– Да. До последнего. Ты с грамотой?

Я кивнул. Достал из кармана пальто черный пластиковый квадрат и протянул носатому.

– Это Аттайна. – Ему хватило секунды, чтобы прочесть выбитое черным по черному.

Вернул мне визитку. – Его кости давно высохли, а кровь сгорела.

– Он приезжал год назад.

– К тебе?

– К учителю.

Вампир хмыкнул. Отвернулся от детских сражений, всем телом ко мне:

– И ты, значит, явился в чужой двор по чужому приглашению?

Плохо звучит. Но правда. Я кивнул.

– Почему не учитель? – Допытывался вампир.

– Его кости давно высохли.

– Вы не так умираете.

– Да, говорят, превращаемся в драконов и улетаем на луну.

Юноша и девушка на арене. Юноша двигался правильно, держал нож правильно, а блондинка, в длинном серебристом платье просто стояла. Опустив руки и глядя на нож в кулаке парня, а не на парня. Он остановился. Что-то сказал. Девушка мотнула головой. И бросилась на него – в глупой прямой атаке. Уход в сторону, контратака, которую легко закрыть, от которой легко уклониться... Блондинка шагнула вперед, горлом на нож.

Секунда тишины. Тихий выдох. Не её – десятков вампиров вокруг.

Меня встряхнуло, как если бы я влажной рукой взялся за электрический провод. Энергия смерти – не вампирское «ничто», но нечто холодное, нечто... «что-то», прошла сквозь меня. Сквозь всех здесь, людей, вампиров, камни.

Колени подкосились, и я схватился за поручень золотого трона, чтобы не упасть.

Смерть все еще гудела в позвоночнике. Напряжением. Осами. Трещоткой гремучей змеи.

Длинноносый вампир схватил меня за руку и дернул, отрывая от трона прежде, чем Принц обернулась.

Парень стоял в центре арены, удивленно глядя на сложившуюся у его ног девушку. Кровь толчками выходила из ее горла, но она уже была мертва.

Я отвернулся.

– Нет. – Оскалится, показывая клыки, носатый. – Хочешь быть с нами? Знай кто мы.

Я знаю, кто они. Они хищники. Они едят людей. Забавляются с ними и едят. Знать – мало. Совсем другое – видеть. Участвовать. Понимать, что помогая им, если Принц все же заговорит со мной и позволит остаться в Каррау под защитой своего имени, я помогаю творить вещи худшие, чем происходят сейчас. Эти двенадцать умрут чисто. Их не будут насиловать, над ними не будут глумиться, прежде, чем пустят кровь. Какая разница? Все равно умрут.

Хотелось отвернуться и вымыть руки. Притвориться, что я не видел происходящего. Не был равнодушным зрителем. Убедить себя, что я ничего не мог сделать.

Знать, кому служишь.

На арене еще двое. И я их узнал.

– Как тебя зовут? – Спросил я у носатого.

– Винсент. – С легким удивлением. Как будто я должен его знать.

– Винсент, мне нужно обратиться к Принцу. Когда я смогу?

– Никогда. Пока Принц не пожелает.

Я сместился немного. Профиль женщины на троне оставался безмятежен. Руки лежали на подлокотниках – как две мертвых птицы. Ожидание и сосредоточенность.

– Я хочу просить Принца об услуге, Винсент. О долге. – Достаточно громко, чтобы дочь Агтайна слышала.

– Не продолжай, ей неинтересно.

– Сейчас дерутся мои студенты. Эти двое. Парень в красной рубашке. И... – парень в красном, несмотря на то, что его за лицо и грудь держала одетая в черное бальное платье вамп, тянулся к плачущей, победившей бой назад, девушке. – ... и та девушка.

– Четверо моих студентов, Винсент. Будь добр, передай Принцу, что я прошу за них. Я хочу их забрать.

Кисть на подлокотнике трона приподнялась и опустилась.

– Я не добрый. – Хмыкнул вампир. – Совсем наоборот. Это четыре жизни. Тебе нечем заплатить за четырех.

На языке – плесневый горьковатый привкус. Выдохи тех, кто вдыхал часы назад, годы назад. Нервное напряжение, которому не найти выход – в груди, в горле. Хочется крикнуть “Стоять!”, заставить их – стоять. Прекратить этот трагический фарс. И я ведь могу.

Здесь мои студенты.

Я не видел их прежде – только на фото, просматривая темы курсовых и успеваемость. Предварительно оценивая, кто может заинтересовать меня – а кого заинтересую я. Наша первая встреча должна быть завтра. На уроке.

Не сейчас, когда они перебеют друг друга.

Двое парней со специализацией по истории науки и третий – по химии.

Есть и другие. Но эти мне нужны.

Не просто нужны, я за них отвечаю.

Вряд ли они здесь случайно, как всё неслучайно в мире. Кто-то (например, Винсент), узнав, что я буду в Каррау, тоже просматривал списки студентов, и тоже знал, каких выбирать.

– Я прошу о долге.

Мальчишки кружили друг вокруг друга, опасаясь – и вряд ли желая – приближаться для схватки. Затягивая время. Пока их обоих не выдернули с арены, и уводя к проигравшим. Вскрик – один из них попытался ударить зажатым в руке ножом вампира. Тот вывернул ему запястье.

– Винсент, – я повысил голос, – передай Принцу, что если она отдаст мне моих студентов – то через два года у нее будет четыре подмастерья Наук. А через четыре – четыре молодых мастера.

Начался второй круг.

На арене – парень, убивший блондинку, и парень, сложенный как профессиональный регбист. Регбист бросился на Убийцу, как только их отпустили. Тот ушел в сторону. Подбил его под колени и уложил на пол, аккуратно чиркнув ножом по скуле. Сам вернулся в угол для победителей.

– Сколько у твоего учителя было подмастерьев? – Скривил Валентин губы в неровной улыбке. – Сколько стало мастеров?

– Тридцать семь. Двое. Но я – не он.

Валентин растянул губы шире, собираясь возражать – столь же неверными и в то же время верными фактами, но умолк вдруг, стирая улыбку.

– Сегодня одним членом клана станет больше. – Сказал он. – Принц отдаст тебе это место. Эту честь. Дай слово не сопротивляться – и твои несостоявшиеся подмастерья уйдут домой с сердцебиением.

Меня пробрал озноб. Чувство, как если бы я ступил на землю, уверенный, что она тверда – но она разошлась под моей ногой, засасывающим вниз и вниз болотом.

Это не честь. Это – смерть. Смерть такая же последняя, как любая другая. То, что остается в немертвом теле уже не обладает изначальной сущностью. Она ускользает, всегда неуловимая.

Они могут обратить меня, даже если я буду сопротивляться. В этом случае есть шанс, что я многих с собой заберу. Но – не более.

– Если Принц этого пожелает, – я говорил медленно, подбирая разбежавшиеся слова. – В её воле – получить слабого немертвого птенца, лишённого силы – к которой он привык. Вместо того чтобы иметь в своем распоряжении мага с четырьмя источниками. Готового исполнять её желания. В меру сил.

Я пропустил несколько боев: глядя, но не видя. Взвешивая “за” и “против” своего вмешательства и возможных действий. Я должен получить разрешение Принца на пребывание в городе. Это важнее, чем жизни еще даже не учеников. Но всё равно... нехорошо.

Блондин держался за ребра, и щурил опухающий глаз. На арену вновь вышел светловолосый парень-убийца.

Его противник был ниже и тоньше. Последний из моих студентов, кто еще не проиграл: растрепанные волосы до плеч, отливающие бронзой, узкое лицо и глубоко посаженные, скрытые тенью бровей, глаза. В том году он написал статью в местный научный журнал – про особенности изготовления “королевской синей” в средневековом Каррау. Учится на историческом факультете. Имя не помню только.

Историк не выглядел как боец. Но он держался. Парни кружили друг вокруг друга, пробуя дистанцию. Присматриваясь.

Убийца сделал пробный ход – Историк ушел. Еще один пробный выброс. Еще один выход назад. Пробная атака – и встречная, нарушая сложившийся паттерн. Блоки, омерзительный скрежет лезвия, сошедшего с лезвием. Клинок: нож на нож, объятье на объятье. Историк проталкивал руку с кукри к глазу молодого Убийцы.

Из вампирской толпы улюлюкнули. Сдержанные вначале, они теряли терпение, надышавшись запаха крови.

Крови, которой уже достаточно на полу.

Я сам подался вперед – Тенью. Отпрянул, когда она пересеклась с тенью Винсента. Вампир смотрел, крепко сжав бескровные губы. Без голода – с чем-то другим, более жестоким, застывшим во взгляде.

Винсент сместился, сам вступая в мою тень.

“Но что ты за маг, если позволишь сожрать того, кто тебе нужен?”. – Шепот-шипение. Слова, переданные через мрак.

Вампир прищурился – подтверждая, что да, это он сказал.

Убийца свалил Историка на пол – в кровь. Тот лежал на спине, но в его тонких запястьях силы было больше, чем казалось – он удерживал обе руки наседающего на него с ножом парня, пытаясь пнуть его коленом в живот – и не позволяя закрутить себя. Слышно было как они дышат: хрипло, влажно.

Оба мертвецы. Чем бы ни закончился бой.

Винсент прав. Я и раньше слишком долго ждал, прежде чем вмешаться. А этот, с исторического факультета, мне нужен.

Я вытянул край тени – тончайший, едва заметный черный луч. Направил его по изломам плитки, украшающей пол зала – незаметный, быстрый.

Поймал им, как лассо, ногу блондина – и дернул. Стопа парня скользнула по влажному камню.

Нога поехала. Убийца поехал, теряя устойчивость. Но вместо того, чтобы упасть и проиграть, грохнулся на колени – и полоснул Историка ножом – по чему попал, прикрывая шею и лицо второй рукой.

Кровь брызнула.

Вампиры выдохнули.

Историк откатился в сторону и вскочил. Широко раскрытыми глазами, как будто не мог поверить, глядя на свою поднятую ладонь – нож блондина разрезал ее, и с нее крупными каплями вниз по локтю стекала кровь.

Блондин, хватая ртом воздух, лёг – сворачиваясь в луже крови девушки, которую убил. Нож Историка царапнул его скулу и руку.

Ничья была встречена тишиной. Но иной, чем начало боя. Влажной, ждущей, возбужденной тишиной. Лежащий на полу парень в отчаянье выругался. Проиграть финал или проиграть первый бой – не важно, раз тебя съедят.

Из-за меня. Потому что я вмешался.

Оба противника ранены. Никто не выиграл. Все двенадцать станут едой.

Среброволосый вампир подошел к Историк и отобрал кукри. Затем – поднял нож блондина и вздернул того на ноги одной рукой.

Историк что-то начал доказывать – среброволосый ткнул его локтем в грудь, как будто легко – но студент задохнулся.

Вампир швырнул обоих участников в угол побежденных.

Поклонился Принцу. Поклонился публике. И вдруг поднял руки, призывая к тишине.

– Последний бой. – Объявил он. – Последний бой сегодня.

Из толпы вампиров вышел мужчина лет шестидесяти, в мятом коричневом костюме, с округлым животом и гладким веселым лицом. Его тонкие седые волосы торчали вверх, двигаясь под сквозняком, как пух, а вокруг широкой талии был завязан алый кушак. На дряблой шее – дамская бархотка с крупным коричневым камнем в центре. Выглядит смешно. Если не знать, что означает камень. У каждого, владеющего городом, есть такой.

Следом за толстяком, на расстоянии трех шагов, шли юноша и девушка. Оба – в серых ученических робах, подпоясанных простой веревкой поверх обычной одежды.

– Эндриус Эракан из Каррау, – объявил вампир, когда толстяк вышел на залитую кровью площадку, – сегодня против Керри Испанского.

Принц повернула голову ко мне. Ее голос шелестел, как перелистываемые страницы:

– У меня уже есть маг.

Я вышел вперед медленно. Сосредотачиваясь на внутренней энергии, на ощущении горячей тяжести в центре живота – и никак не мог собрать себя. Успокоить мысли, направить дыхание. Взгляды мертвых сошлись на мне, посылая волны холода – как будто идешь сквозь ветер, который пытается завернуться вокруг тебя, проникнуть в тебя.

Глухое предчувствие неизбежного.

Я реалист – я уже проиграл.

Всё указывало на то, что в Каррау я нужен. На то, что «придворное» место свободно. Может, ошибка в неправильных запросах? Я спрашивал про принца Аттайна, чьи кости и кровь давно мусор. Карты отвечали, что место мага рядом с ним пусто. Я спрашивал про Принца –

и получал тот же ответ. На золотом троне – женщина. Принцесса. Хотя титул не изменяется. И вот, я здесь, иду к тому, от чего бежал.

– Мое имя Конрад, – сказал я, подойдя к Эндрюсу Эракану из Каррау, – и я не хочу драться.

Вампиры отступали – пятнистым немым прибоем, освобождая место.

Попытаюсь сбежать? Они набросятся на меня толпой. Сражаться с красным магом, у которого два источника – я не выстою. Какой еще выбор?

У Эракана было приветливое спокойное лицо и светлый старческий взгляд.

– Что случилось с твоим учителем? – Маг крови сунул ладони под пиджак, словно хотел согреть. Но я знаю, что он делает – сжимает оружие. Жезл, или талисман. Я всё свое оставил в камере хранения. Можно считать – потерял.

– Что случается со всеми нами. В итоге.

– Сердце? – Нахмурился старик.

Я качнул отрицательно головой:

– Дуэль.

Отводить взгляд опасно, но я все равно посмотрел на учеников Эндрюса. Старик тоже обернулся, коротко глянув на девушку в серой робе.

– Что ж. – Сухо подытожил он. – Мои поздравления в таком случае. Но почему наш город?

– Это не я его убил.

Эракан вытянул руки из-под пиджака и сложил их уже сверху, сунув пустые ладони подмышки. Как будто мерз. Долго раздумывал, прежде чем предложить:

– Я могу взять еще одного ученика.

Я вскинул брови. Потом засмеялся. Хрипло и резко получилось:

– Нет.

Никогда. Никогда больше. Я уже и стар для этого. Хотя некоторые умудряются служить источниками по полвека. Потом умирают.

И все же... Смерть, смерть, или уйти отсюда с ним. Научиться новому. Получить в итоге то, чего хотел – убежище и покровительство. Спокойно работать и спокойно жить.

Я прислушался к себе. К тому темному и плотному, что вечно безмятежно, и готово дать ответ на любой вопрос. Тихий ответ. И он был: Время подражать закончилось.

– Я не хочу с вами драться. – Сказал я, стягивая к ногам Тень. Пустоту, голод и долг. – Но это вы должны уйти.

Эракан глянул за мое плечо – на Принца. Я почувствовал её движение. Вампир бросила в круг скомканный носовой платок.

Прежде чем тот упал, Эракан атаковал: направленное желание смерти. Смерти. Мне. Острый наконечник в грудь: «Сдохни, сука!». Сбивающий сердечный ритм, если позволить посланию задеть тебя. Если позволять хоть каким-либо посланиям задевать тебя.

Я устал слушать, что мне желают. Посыл-стрела ушел в обернувшую меня темноту, делая её еще чернее. Подкармливая ту заразу, что жила в её глубинах.

Я шагнул в сторону. И еще в сторону, обходя Эракана по дуге. Заставляя и его поворачиваться, так, чтобы видеть Принца.

Правительница застыла статуей, облаченной в золотые развевающиеся одежды. Ветер дул на нас – на меня и старика.

Еще один импульс: страх. Ужас. Ужас, заставляющий увидеть безысходность ситуации: я среди вампиров, в чужом городе, который пытается оторвать меня. Лишен поддержки. Лишен всего. Один человек, против силы, которая его сметет. Которая растопчет его кости в труху, и развеет горячий дух.

Но я помню о смерти. Каждый вдох помню. Это не то, чем меня можно испугать. Я даже не защищался от этого. Навеянный ужас прошел мимо, рассеявшись за спиной. Вампиры зашумели, задетые его краем.

Я шел, продолжая изгиб полуокружности. Заставляя Эракана повторять зеркально.

Третья его атака меня достала.

Я упал.

Зацепился ногой за ногу как раз на том месте, где пытался помочь Историку победить. Проехался ладонями и коленями по чужой холодной крови, насыщенной смертью – как кислотой, но не остановился. Перекатился, замыкая фигуру.

Зажигая фигуру: пройденная мной и Эраканом, и его учениками, форма. Неровная, уродливая, но имеющая силу. Потому что я ее в нее вложил.

Закричали оба ученика мага. Он сам покачнулся, но – успел схватить брошенный принцем платок.

Платок, которым она вытирала губы, раздражив мою рану. Ткань с моей кровью – в руках мага крови.

Это не дуэль. Не задумывалось, как дуэль. Принц позволила мне верить, что меня здесь ждут лишь для того, чтобы подкрепить своего мага моей силой.

Мои студенты здесь были – спровоцировать меня. Объяснить её вмешательство в бой.

– Я не хочу драться. – Повторил я. Пытаясь поймать взгляд Эракана. Старик комкал платок в пальцах. Смотрел сквозь меня. – Мы сами решаем, каким правилам, и когда...

Я заставил Эракана пройти по кругу – повторяя круги, начерченные в воздухе бойцами до нас, замкнув невидимую фигуру – магия жеста иногда эффективнее магии слов.

Я использовал классическую форму старого Тайцзы. Энергия, созревая, сменяется противоположностью, лишая любую развернутую в полную силу атаку Эракана мощи, оборачивая ее на создателя. Прием защиты, а не нападения.

Но всё равно моя кровь поддавалась на зов. Верхняя губа увлажнилась – из носа текло. На груди стало мокро. Раскрылись мелкие царапинки во рту. Прибоем шумел пульс в голове.

– Тебе и нечем. – Произнес старик, на миг фокусируя взгляд на мне. – У тебя ничего...

Он шагнул вперед, выбрасывая руку – в которой светлым вспыхнула линия меча и прорвал созданную мной форму, как бумагу. Но даже бумага рвется не мгновенно.

Я шагнул в сторону – и к нему, по спирали. Ударил запястьем чуть выше уха и ниже виска, целясь в точку внутри головы Эракана. Я видел её: яркая красная кнопка – «выключи меня».

Старик выключился.

Я хотел придержать его, не дав жестко упасть. Но он был большой и тяжелый, я не успел.

Сила, приготовленная Эраканом для атаки, разлетелась во все стороны. Ограничивающая форма деманифестировалась, и нечто выплеснулось в воздух. На камни. На кожу. На вампиров. Зеленый хлещущий фонтан – из ниоткуда. Красивый и горький. Прохладный. Остающийся безобидными отсветами на коже.

Мелкое, но твердое ударило меня в лопатку. Отскочило – и хрустнуло, разбиваясь о плитку зала. Шарик, размером с конфету, из которого на пол выплеснулась тонкая прозрачная жидкость – притягивающая к себе зеленый свет разбросанной Эраканом силы. Вступая с ней в реакцию и источая острую химическую вонь.

Кто-то набросился на меня сзади, свалив с ног. Я успел развернуться, и упал на спину, а не живот. Ученик Эракана беспорядочно молотил кулаками, целя мне в голову, но попадая по рукам.

Девушка-ученица стояла на границе арены. Опустившись на колени – робой в кровь – и вскинув скрещенные в кистях руки. Распахнув рот и распахнув глаза, втягивая в себя ненаправленную силу, которую выплеснул ее учителем – и захлебываясь ею.

Я двинул мальчишку ногой в корпус, подминая под себя.

Хаос развернулся вокруг.

Лопались одна за другой люстры. Не лампы – хрусталь обрамления. Среброволосый вампир, объявивший бой, сделал шаг спиной вперед. Его нога подломилась – и он упал. Вывернутая шея хрустнула. Из взгляда – из тела – ушло нечто. Нечто более тонкое, чем эссенция человека. Но всё же реальное.

Не видел прежде, как вампиры умирают. Замерший подо мной ученик мага тоже не видел. Он застыл, распахнув рот и хрипя.

Нет, это потому, что я сильно придавил. Я ослабил хватку.

Зеленое свечение расплывалось по воздуху зала. Увеличивалось и клубилось, словно его размещивают изнутри.

Облако соприкоснулось с потолком – и барокко, его украшавшее, почернело. Скручиваясь, как листья от огня, опадая хрупкой черной пылью на пол.

Мраморные плиты пола покрывались порами и приобретали грязно-коричневый оттенок. Воняло одновременно едким и тухлым.

Химия во всём ее великолепии.

Вампир с белыми как снег волосами, широкоплечий и высокий, со скулами закрытыми воротом рубашки, вскинул пистолет, прицеливаясь в нас... в меня. Слишком далеко, чтобы я мог что-то сделать. Слишком поздно заметил.

Он бы выстрелил раньше – но перекрывали линию вампиры, которые спешили к выходу, превратившись из нарядной упорядоченной толпы в стаю рыб, в которой все вместе – но каждый сам за себя.

Принц, вставшая за вампиром, положила ладонь ему на плечо и сжала, ломая кости. Выстрел – неожиданно оглушительный – отразился от стен, от пола. Пуля чиркнула в стороне от меня.

Вампир выронил оружие и развернулся, уставившись на Принца. Поклонился. Поспешил к выходу.

Дочь Аттайна не двигалась. Она наблюдала.

Не боясь зеленой дряни, которая разъедала её покинутый трон, превращая белую подушку в жирные лохмотья, а золото – в черные огарки.

Ненастоящее было золото.

Эракан, держась одной рукой за голову, подполз ко мне и толкнул. Я отпустил его ученика, который подозрительно затих.

– Вот потому это делается без свидетелей. – Проворчал старик.

– Давай, Мер, – похлопал он юношу по щекам. – Ты мне нужен. Очнись.

– Я могу помочь?

Половину лица старика – ту, что я ударил – заливала краснота.

Раздраженный взгляд, как если бы он забыл обо мне.

– Да. Уходи.

В кулаке Эракан все еще сжимал платок со следами моей крови. Я выдернул его из руки старика – и швырнул в сгусток газа. Ткань осыпалась пеплом.

Зеленый газ расплзался в воздухе. Чем больше материала вещество поглощало, тем больше его становилось. На пол выпадал желто-серый осадок. Он обжег пальцы, стоило нечаянно коснуться.

Принц всё еще наблюдала, застыв статуей. Игнорируя то, что низ её платья оплавляется, а на голую татуированную макушку падает едкая соль.

Большинство вампиров покинули зал. Одна группа застряла у выхода. Мелькнул блеск ножей – и я рванул туда. С разбега врезался плечом в первого, отшвыривая ногой второго. Освобождая проход себе к обороняющимся.

Обе девушки, убийца-полуфиналист, двое из моих студентов, еще трое парней. Еще один мальчишка лежал на полу с разорванным горлом. Я подхватил его нож, и ударил ближайшего вампира. Тенью, а не лезвием. Пригвождая к месту и вытаскивая силу. Оставшиеся замерли, боясь приблизиться и попасть в ловушку.

Дети развернулись и побежали.

Я выжидал долгую секунду. Осмотрел зал: Эракан бил по щекам Мера. Принц наблюдала. Вампиры уходили. Ученица Эракана удерживала вещество в границах зала – вытянув вверх руки и запрокинув лицо. Историк дергал девушку, пытался поднять из лужи крови и увести, нарушая ее концентрацию – и зеленые фонтаны газа вырывались хлещущими хвостами из ее ладоней.

Я крикнул, чтобы он ее не трогал – но парень не слышал. Я сам себя не слышал.

Я толкнул вампира, парализованного моей тенью, в приблизившееся зеленое облако. Развернулся и побежал следом за уходящими детьми.

Убийца-блондин помнил дорогу. Не ту, которой меня привела в зал Принц – короткую. Два зала, два вампира. Кукри парня перерезали им горло, не останавливаясь – как ветви деревьев.

Опасно ярко освещенная площадка с дорогими большими автомобилями. Мы обогнули ее по кругу, по темноте. Я бежал последним – сначала потому, что страховал от преследования. Затем потому что не успевал и отставал. Дыхания не хватало, в боку как будто проворачивали иглу. Образ Принца, летящей за мной в золотом платье, чтоб выпить всю мою кровь, уже не помогал ускорять шаг.

Камни и бордюры бросались под ноги. Один раз я едва не ступил в раскрытый канализационный люк.

Дети, убегая, растянулись длинной цепочкой. Инстинктом прячущейся жертвы они выбрали аллеи без фонарей, и это было правильно. Справятся.

Бежать я больше не мог, так что перешел на шаг.

Блондин, указывавший дорогу, вернулся и подхватил меня под руку, давая опору и вынуждая сохранять темп.

Его бок был мокрым.

Я оглянулся и посмотрел сквозь тьму.

Дорожкой разбросанных рубинов за нами тянулась кровь.

Глава 2

Я обещал себе не спать, но провалился в сон, как только поставил тонкий шар невнимания вокруг гаража. Более серьезная защита обеспокоила бы город, для которого я – крошка угля, попавшая в глаз.

Во сне было тепло, и темно, и спокойно.

Затем сон переменялся. Прикованный железом к железу, я горел, и пламя душило меня, забирается плотными горячими жгутами в рот и нос. “Мой!” – с жадной ненавистью шептало оно, – “Ты весь мой!”

Огонь облизывал, выжигал кожу в металлическую корку – но нечто внутри меня оставалось холодным и гнилым.

– ... пережую твои кости. – Услышал я свое бормотание.

Сел, отшвыривая видения и плащ, которым укрывался. Спина взмокла, под кожей поселилась дрожь, а в горле было сухо и горячо.

Историк, сидевший напротив, дернулся, испуганный моим движением, – из пластикового стакана в его руке выплеснулась на пол темная жидкость.

Парень затер лужу стопой. Он сидел, кутаясь в тонкое клетчатое одеяло, спиной к стене, лицом ко мне.

Царапина, которую ему на скуле оставил нож блондина, воспалилась. Он был юным, и уставшим. Круги синяков под темно-карими, почти черными глубоко посаженными глазами. Правый сильно косил внутрь – казалось, он смотрит сквозь меня.

На самом деле – на то, что за моей спиной.

Я оглянулся.

Прямо за мной – старая железная дверь на засове. Под дверью – блондин-Убийца, в одной руке – чашка, в другой – кукри.

– Открывай. – Поднимаясь, сказал Историк блондину. – Открывай. Я уйду.

– Не вопи. – Блондин тоже встал. – Всех разбудишь.

Убийца привел нас в свое убежище: гараж, превращенный наполовину в оранжерею – с кадками высоких остролистных растений – наполовину в склад, с многочисленными заколоченными ящиками. Похоже, что он тут еще и живет: сумки, сваленная на мешок одежда, маленький телевизор, раскладушка, батареи банок из-под кофе и консервов.

Гараж располагался среди лабиринта таких же гаражей, на окраине города. Пыль, бензин, растворители, железо. Хорошее место прятаться от тех, кто идет по запаху крови.

Нас здесь шестеро, включая меня. Двое моих студентов, девушки, еще один парень. Спальные мешки достались девушкам. Рассвет через час.

– Они нас найдут. – Подошел историк вплотную к блондину. – Найдут и сожрут. Понял? Отвали от двери. Пусть вас здесь... я ухожу, короче.

Голос его сорвался на хриплую дрожь. Сжатые в кулаки руки тоже дрожали.

– Нет. – Блондин. – Утром будет безопасно.

Он говорил уверенно. Так уверенно, что ясно: сам на это не надеется.

– Отойди от двери. – Прошептал историк. – Мне нужно выйти!

Ростом оба парня одинаковы, но блондин мощнее. С другой стороны, я видел как они дрались – Историк ему не проиграл.

– Выпусти меня отсюда... да! – Голос Историка сорвался, по бледному лицу пошли яркие пятна.

– Пусть идет. – Поднялся я. – Ты же видишь, ему нужно на воздух.

Блондин хмурился и не двигался.

Историк вдруг ткнул его кулаком в грудь.

Не вкладывая силу, но парень сложился, хватая воздух ртом. Историк вцепился двумя руками в ручку двери, лихорадочно дергая. Остановился. Сбросил засов.

Блондин, все еще не выпрямившись, оттолкнул парня от двери. Схватил упавший на пол нож-кукри, унесенный от вампиров.

– Не нужно. – Я встал у него на пути.

Историк повернул наконец ручку. Дернул дверь на себя. Еще раз на себя. Сообразил, что в другую сторону – и выскочил, впусив в убежище холодный ночной воздух. Дверь захлопнулась за ним с клацающим железным звуком. Девушка, завернувшая одолженной курткой голову, пробормотала во сне что-то и свернулась калачиком, оплетая себя руками и ногами еще плотнее.

– Он же сейчас вызовет копов! – Блондин.

Шагнул к двери – остановился, когда я вновь преградил ему путь:

– Как? В небо крикнет?

Убийца насупился:

– Этот козел все равно кого-то позовет.

– Никого он не позовет. И никуда не уйдет. – Я прислушался. – Он рядом.

Блондин мне не верил.

– Он не уйдет. – Повторил я. – Снаружи темно, он испуган. А ты кричишь и разбудишь девушек.

На слове “девушка” убийца выпрямился, резко оборачиваясь. Как будто пытаюсь увидеть призрака за своей спиной.

Он был среднего роста. С крепкими плечами и шеей, с татуировкой сбоку шеи: свернувшийся восьмеркой дракон. Пышными пшеничными волосами, неровно срезанными чуть ниже ушей, в которых блеснул десяток пуссетов. Широкими черными бровями, сросшимися над переносицей и жестким изгибом губ. На пару лет младше меня, но с ранними тонкими морщинами горечи у рта.

– Конрад. – Протянул я руку, пытаюсь отвлечь его внимание от пустоты. Пустоты, в которой пока ничего не было, но если так внимательно вглядываться – появиться.

Прошло несколько секунд, прежде, чем парень, повернулся ко мне.

– Давид. – Крепкое, но дребезжащее от внутренней дрожи, рукопожатие. Крепкое и неполное. Половины большого пальца у него не было. Зато на обрубке блеснул железный перстень.

– Тебе нужно успокоиться, Давид.

Неразборчивое слово в ответ.

Давид носил плотную старую кожанку. Под неё и спрятал нож, достав пачку сигарет из внутреннего кармана. Несколько раз шелкнул зажигалкой – слишком быстро, чтобы появилось пламя. К отсутствию половины пальца он, похоже, привык. Но руки у него тряслись и огонек то появлялся, то гас. Я усилил его, поддерживая мгновение, пока Давид прикуривал.

Огонек напомнил сон: в огне был демон, демон душил меня, пробираясь через рот к мозгу.

Давид затянулся. Выдохнул кашлянув. Обогнул меня – уже спокойно, и вышел на улицу. На этот раз я не мешал. Я вышел следом.

Давид курил, прислонившись к окрашенной красным стене гаража. Глядя вперед – там, на границе тьмы и света, на земле, спрятав лицо в коленях, сидел Историк. Он так и не вышел за светлый круг, созданный ближайшим фонарем.

– Это не твоя вина. – Сказал я. – Что ты убил ту девушку. Это её выбор.

Давид сухо засмеялся. Сплюнул на землю.

– Не заливай мне. Я ткнул её ножом.

– Нет. Нечто в ней выбрало. Она сама пошла вперед.

– Ты не понимаешь.

– Я видел. Что я не понимаю?

– Ты всё равно не поймешь.

Выдох, два облака уходят вверх. Синее – от сигареты Давида. Бледное белое – от моих губ. Холодный ноябрь, заморозки. Где-то далеко выла собака. Звезд не видно, зато над центром Каррау – розовое пятно собственного света, отраженное от туч.

Будь Каррау моим городом, он бы светился празднично, а не как больной в лихорадке.

– Я хотел выиграть. – Сознался шепотом Давид.

Выиграть. Выжить. Что же тут непонятного? Мы все хотим. Для этого приходится убивать.

Я прислонился плечом к гаражу, разворачиваясь к Давиду. Глядя на его профиль. На дрожащую руку, которой он подносил сигарету – держа между указательным и средним пальцем, поджимая обрубок большого к ладони. Легким серебром светилось эфирное продолжение пальца – еще не рассыпавшееся, значит, Давид потерял его недавно.

– Как вас захватили? – Спросил я. Хотя хотелось спросить “когда”. За сколько часов до моего приезда? Насколько всё подготовила Принц?

Давид пожал плечами. Выдохнул дым.

– Одна ченни устроила вечеринку. То ли экзамен сдала, то ли мужика турнула, что-то такое...

– Ченни?

Быстрый взгляд на меня:

– Девка. С какой ты луны?

– ... а дальше?

– Ну. Вечеринка. Нормально было. ... она мне дала, прежде, чем... – Вновь неуютное движение плеч.

– Ченни?

– Упыриха. Та, которая...

Которая подцепила его на вечеринке. И увела – к Принцу. Она держала его перед боем, обнимая за талию и за лицо, не позволяя ни говорить, ни кричать. Давид тоже вспомнил, вытер рукавом рот.

– Аманда. – Выплюнул он. – Её зовут Аманда. Как-то там. Аманда... не помню.

Взгляд на меня:

– Ты её знаешь? Она найдет меня?

Я покачал головой отрицательно. Потянулся пальцами вперед, показав на его куртку:

– Дай мне закурить? Нет, я не знаю. Я сегодня первый день в Каррау. Первую ночь.

Давид хмыкнул. Протянул мне пачку и зажигалку.

– Повезло тебе. Что они от тебя хотели?

– Того же.

– Оставь себе. – Когда я хотел вернуть пачку. Взгляд у парня был всё еще нездоровый, но острый – Давид мне не поверил.

– Она найдет меня. – Уверенно произнес Давид, глядя в землю. – И убьет. ...А я мог выжить. Она обещала сделать своим птенцом. Если бы я не расклеился. Идиот, расклеился.

Парень выронил сигарету и сжал кулаки.

Я наступил на оранжевый огонек:

– Ничто бы в тебе не выжило. Смерть – это смерть. Даже если тело потом ходит.

– ... типа, я труп... того?

– Нечто вроде.

Давид рассмеялся. Оборвал смех, медленным контролируемым вдохом и таким же выдохом.

Дверь гаража отворилась, выпуская кудрявую девушку. Её усеянное блестками платье разорвалось и испачкалось. Чужую куртку она держала в руках. Остановилась, ежась и привыкая к холоду. Бросила на нас равнодушный сонный взгляд, и прищурилась, рассматривая ночь.

– Как давно ты о них знаешь? – Спросил я у Давида. Отодвинулся от холодной стенки гаража.

– Упырях? Приходится. Когда работаешь на улице.

– Кем?

– Никем.

– Дурь продает. – Сказала девушка. Голос у нее оказался приятным: бархатным и низким, сочным. А вот лицо – блёклым и неинтересным. – А где ... тот... со взглядом таким?

Давид кивнул вперед, указывая на Историка, сжавшегося на границе круга.

Девушка прищурилась.

– Ну вы и мудаки... – Прежде чем бегом двинуться к парню. На носках, стараясь не ставить босую стопу на усыпанную острыми камнями дорогу.

Мудаки?

Я представил, как это выглядит, если смотреть её глазами. Жестокость, отпустить Историка – зная, что он не уйдет. Оставить сражаться со страхом, на границе света. И стыдом, быть может. Потому что вернуться – признать свою слабость.

Я не обязан ни с кем из них возиться. И всё же – жестокость. Рациональность всегда жестока.

Я хотел, чтобы он был моим учеником. Доверял мне. Настолько доверял, что позволил бы черпать из своей души. А сам отпустил его во тьму.

– Ты знаешь их? – Спросил я у Давида, кивнув на девушку, оборачивающую Историка курткой.

– Я знаю всё обо всех. Кроме тебя. Кто ты?

Давид спрятал руку под куртку. На этот раз – точно не за сигаретами.

– Ученый.

– И что ты изучаешь?

Нечто белое мелькнуло впереди, между гаражами и за спинами Историка и девушки. Светлая полупрозрачная тень, легкая как эфир.

– Смерть.

Ман был частью города, вплетен в его сеть, и потому почти незаметен. Я увидел его раньше, чем ощутил.

Белое и светящееся в абсолютной тьме между гаражами, сомкнутыми лабиринтом углов и стен. Я побежал вперед – к свету. Хотел крикнуть, чтобы дети уходили, но не знал их имен. И дыхание сорвалось раньше, чем я преодолел половину пути.

Белое сияние охватило Историка и девушку. Перешло на них, выпуская кровотоечение внутреннего света – озаряя место. Из-за угла бесшумно выступила лошадь – ярче лампы накала, белоснежная. Всадник её сиял так же, пытаться разглядеть его – все равно, что выжигать сетчатку.

Они двигались как в воде. Лошадь медленно поднимала ногу. Медленно опускала. Всадник вскидывал копьё, разворачивая на меня треугольное острие, пока я бежал.

Все равно не успею.

Я остановился резко и сел, прижимая ладони к земле. Город впился в руки острой галькой и случайным стеклом. Я пропустил через себя ощущение места – и выбросил наружу, временно расширившись на несколько метров. Присвоив даже воздух, попавший в защитный круг. Сфера послушно нарастала, живая и гибкая, прочная как околплодный пузырь.

От жути, исходящей от мана, трещали волосы. Он приближался, пылая осознанием высокой цели. Для меня он такая же верная смерть, как деревянное копьё или железная пуля. Во рту стало сухо и горько. Земля пульсировала под ладонью, пытаюсь вывернуться, сбросить меня.

Историк и девушка светились, отдавая жизненную силу ману. Её у них было много, и страж города делался еще ярче. Давид остался у двери гаража.

Круг охватил только меня. Всех не спасешь. Это правильное решение: защищать себя в первую очередь.

Но если бы не я, они были бы в безопасности. С самого начала. И сейчас, если бы я ушел, а не устраивал себе отдых. Ман призван заклинанием. Заклинанием того, с кем мой бой не закончен.

Сильный старик.

Преодолевая тошноту – ощущение, что я принимаю неверное решение – и перешагивая сопротивление места, я толкнул границу круга вперед. Раздвигая защищенное пространство – растягивая. Больше и больше. Пытаясь удержать плотность периметра – но теряя его. Он слишком велик. Я раздувал круг – раздувал себя. Соприкасался с углами гаражей – ленивых старых улиток, медленно ползущих сквозь время к неизбежному уничтожению, пропитывал

собой сухой ночной воздух, полный электричества и влаги. Становился пространством – присваивая себе пространство города, в который меня не приглашали.

Круг раздулся, захватив двух человек – сияние их кровотоков погасло, ман больше не мог его жрать – они мои. Девушка ощущалась обычно: перепуганный беззащитный ребенок. Историк был как орех, под каменной оболочкой которого притаилась странно сдвоенная сила, а Давид, оставшийся за моей спиной, еще страннее – как нечто старое, неуместное, гибко-ускользающее... переходное?

Круг истончался и пульсировал, норовя схлопнуться. В попытке его удержать у меня ныли зубы, и болел мозг.

Давид, вместо того чтобы скрыться в безопасности гаража, подбежал ко мне. Схватил за плечи, пытаясь оторвать мои руки от земли, разомкнув шаткий контакт.

Я зарычал – и он отшатнулся, едва не выскочив за тонкую границу.

– Стой! – Выдохнул я. – Стой... возьми... этих. В укрытие. Быстро.

Всадник остановился у дрожащего края сферы. Лошадь поднимала и опускала ноги, перешагивая на месте. Пытаясь войти в преграду, как в воду и проталкивая её сияющей грудью.

В свете мана сверкнул нож – Давид достал кукри, принимая низкую стойку. Почему-то лицом в другую от всадника сторону.

Я бросил туда быстрый взгляд.

Белое сияние приближалось с той стороны тоже. Шаг за шагом, как в марше, из-за гаражей выступил еще один ман: белоснежный всадник на сияющей лошади, с черными провалами в ослепительной белизне – там, где должны быть глаза. Так же медленно поднял на плечо копье.

И еще один – с другой стороны.

И еще один.

Они стекались отовсюду. Трое. Четверо. Семеро.

Давид сглотнул, а потом выругался.

Мой круг был слаб, но я держал его. Выворачивал наружу Тень – но она захватывала больше, чем давала. Как всегда. Накатило такое головокружение, что я бы упал, если бы уже не стоял на коленях.

Линии города прогнулись, отвечая на силу моего круга – и ударили по нему оттянутой тетивой. Сорвав напрочь. Я закричал, когда граница лопнула – лишая меня влитой в нее силы. Словно лопнувшая артерия, и из нее хлещет, хлещет, хлещет, пока не заткнут пальцем.

Город, присосавшись, тянул силу через вжатые в его землю ладони. Я оттолкнулся, но не смог встать.

Больше не сдерживаемые барьером, маны рванули к нам.

Давид схватил меня подмышки и дернул вверх. Он пытался удержать меня, когда копье ближайшего всадника врезалось в его грудь. Прозрачное, сияющее, с пылинками, что бились в нем, – как в солнечным луче, из которого выпили тепло.

Давид, с копьем-лучем в груди, отбил кукри занесенный над головой меч. Звон стали о сталь – и сорванный нож улетел в сторону. Я отскочил, сбросив потяжелевшую руку парня, чтобы он не увлек меня с собой.

Давид упал на голодную землю. Она всегда принимает смертных – ибо они из нее вышли. Из глины, мотков волос, из влаги и тьмы. Меня накрыл холодный электрический поток: смерть-жизнь, отпущенная из тела, как взрывная волна ядерной бомбы. Такая же мощная. Энергия закручивалась, разделяясь: что-то вверх, что-то вниз.

Лошадь мана распахнула черный рот в беззвучном крике. Попятилась, отступая от вихря смерти и топчась по телу Давида, и не оставляя на нем ран.

Я отшатнулся тоже. Электричество пронизало каждый нерв в теле, отбросило слабость и головокружение, и даже Тень на пару секунд оторвалась от меня.

Впитать это. Выпить. Стать больше, стать сильнее. Неважно, что убил его не я – я могу впитать его жизнь и силу. Он был силен, этот парень с татуировкой и отрубленным пальцем. Я смогу поставить второй барьер – и защитить оставшихся детей. Защитить себя. Мне больше не нужно будет приглашение города. Я выпью его жизнь – и стану здесь своим, как будто был рожден в Каррау.

Но при этом уничтожу полностью того, кто не зная меня, не будучи ничего мне должен, раненым, вернулся за мной среди ночи.

Я схватил эссенцию, движущуюся положенным всем смертным путем – туда, где её сожрут хищники, чья роль в этом и состоит: выпить, упростить, испражниться. Выплюнуть твердые осколки. Оставить энергию себе, а материю вернуть в экосферу.

Я держал гибкую, сильную, извивающуюся как угорь, сердцевину Давида. Который сегодня впервые убил. Избежал смерти. А затем умер. Она жгла руки и жгла лицо. Пока я не позвал его по имени.

– Давид. – Шепот, ибо горло мое сухо. – Давид, ПРОСНИСЬ!

Вливая в него немного своей силы – а остальное он потянул сам. Заворачиваясь в нее, как в саван, удерживая ею ткань личности – и тень. Я раскрыл руки, с напряжением выдыхая – в него. Отпуская парня – отрывая от себя.

Лошадь ближайшего мана попятилась. Вторая – встала на дыбы, отбросив алую тень.

Давид был в доспехах.

Его тонкое тело носило нагрудник и пластины на бедрах и походило на то, что лежало на земле, как старший брат на младшего. Острее и жестче черты лица. Плечи непропорционально широки. Светлые волосы длиннее и торчат в разные стороны, словно моток проволоки.

Давид закричал – я не слышал звука – но он кричал, разворачиваясь к ближайшему ману, и замахиваясь коротким гладиаторским мечом.

Всадник дернул лошадь назад – но не успел. Давид всадил нож ему в бедро и провернул. Глаза Давида сверкали. Собственный свет их, заглушающий сияние мана. Схватив всадника за раненую ногу, Давид дернул его вниз, и, сбросив на землю, перерезал горло. Лошадь вскинулась. Давид мимоходом рубанул её мечом по шее и атаковал второго мана.

Я подобрал кукри с земли – рядом с неподвижной рукой Давида-тела, и встретил им зубы лошади. Ее зубы щелкнули у моего плеча – пока третий всадник обрушивал мне на голову край щита. Призрачное железо прошло сбоку, не коснувшись, но обдав жаром. Копыта мелькнули рядом с лицом.

Тяжесть и белизна. Тварь подмяла меня под себя, пытаясь раздавить, парализуя. Не настоящим весом – но другим, не менее невыносимым.

Сейчас крик Давида я услышал – боевой клич, от которого холодели кости. Секунда – и тяжелая белизна исчезла. Лошадь билась на земле рядом, фонтанируя сияющей кровью и едва не задевая меня ногами. Всадник попытался достать тяжелым мечом Давида – два взмаха мимо, – пока не упал с лезвием в груди. Меч Давида пробил его доспехи насквозь – но остался в них.

Давид, разворачиваясь, выдернул копьё-луч, застрявшее в его неподвижном теле. Метнул в четвертого мана.

Четыре.

Но было семь.

И все же – четыре. Все на земле, распадаются влажными белыми сгустками. Сгустки разделялись на тяжелое – оно уходило, впитывалось в камни. И легкое – серебряные нити, тянущиеся вверх, в небо.

Трое из семи манов бежали.

Давид остановился, тяжело дыша. Открыл ладонь, с удивлением на нее глядя. Провел пальцами по волосам. Он остался единственным светом, фонарь рядом с гаражом погас.

И этот свет тоже таял.

Серебряное сияние его глаз тускнело.

С нескрываемым, чувственным почти, удовольствием, Давид встал ногами на лужу, в которую превратился ближайший всадник. Разбросал ее босыми стопами, растоптал. Захохотал беззвучно. Расстегнул железный доспех, собираясь помочиться на останки враги. Замер. Вновь посмотрел на свои руки.

Он не делался прозрачным. Он разматывался. На этот раз на три составных, а не две: в землю, в небо, и одолженное – в меня. Азарт боя ушел, его убийца мертв, ничто больше Давида не держало.

– Эй! – Я прыгнул на него, замахиваясь кукри.

Давид отшвырнул мою руку, двинул кулаком в грудь – отбрасывая меня назад. Пытаясь отбросить.

Я успел вцепиться в его в пояс. Двинул ногой в живот – но попал по бедрам, он успел развернуться. Колено онемело от удара по железу.

Давид отодрал меня от себя, прежде чем я успел что-то сделать. Вырвал из моих пальцев кукри и, завалив на землю, придавив коленом, занес нож – перерезать горло.

В его глазах вновь серебристым светом сияла осмысленность существования. Драться и убивать – вот для чего он жил.

Он схватил меня за волосы, чтобы открыть шею. Я захлестнул кисть этой руки цепочкой, сорванной со своего запястья. Замок тонкой серебряной нити лопнул и отлетел в сторону, звенья голодной змеей обвилились вокруг кисти Давида.

Давид дернулся. Попытался освободиться. Ударил не глядя и попал в землю. Я развернулся, сбивая его, подминая теперь под себя. Набрасывая еще пару витков цепочки поверх железных наручей.

Он сопротивлялся отбиваясь. Но расстояние было – всего два шага. Два шага от остывающего на земле тела.

Давид как будто забыл, что умеет сражаться. Что в его руке все еще нож. Он лягался беспорядочно. И лицо, светлое прежде от восторга боя, исказилось от ужаса.

– Связываю тебя. – Шепнул я, свалив его рядом с телом, и вложив конец цепочки в руку мертвеца.

Ничего не происходило.

Долгий миг. На лице Давида застыл ужас. Глаза сверкали. Я добавил еще: силы, тени, долгов. Что-то... щелкнуло. Как две части пазла, сходящиеся вместе.

Давид вдохнул – закричал.

Хриплый задыхающийся крик.

Тот Давид, который лежал на земле мертвым. Который был младше, и у которого не хватало части пальца. Дух пропал... точнее – скрылся. Как улитка, в раковину. Слишком маленькую для него теперь.

Парень зашелся вторым криком, чище и громче. Повернулся, вставая на четвереньки – пытаясь размотать и выбросить серебро. Я не позволил, схватив за руку и сжав пальцы в кулак.

Давид дышал хрипло и страшно. Крики сменились рыданиями.

Плач – это хорошо. Прочищает легкие.

Сколько времени прошло? Минута? Полторы? Плохо для тела, но не критично. Что касается головы – посмотрим. Я сел рядом и завязал цепочку узлом – вместо сломанного замка, и сплавил звенья, позволив им вновь стать единым целым.

– Не потеряй.

Не знаю, слышал ли он.

Белые останки манов почти испарились.

Историк и девушка стояли, держась друг за друга, и смотрели широко распахнутыми глазами.

Где-то рядом включилась, начав завывать, как раненый зверь, сигнализация. Затем еще одна. И еще. Целый концерт.

И только я подумал, что нужно уходить отсюда, пока не появилась полиция:

– Стоять на месте! ...Стоять на месте, я сказал! ...Какого черта здесь происходит?!

Их было много. Их привел город. Лейкоциты, пожирающее всё внешнее, и всё мешающее. В бронежилетах, в смешных очках ночного видения, они окружили и направили на нас оружие, вряд ли зная, зачем вообще сюда примчались, и что их собрало.

Давид встал на колени и поднял руки. Его лицо блестело от слез. Парень огляделся медленно, пересчитывая полицейских, и выдохнул ругательство. На языке, которого я не знал.

Глава 3

В полицейском участке я подобен крошке стекла, которую занесло в лимфатический узел. Окружающие чувствуют колючее раздражение, грозящее инфекцией, но, связанные наложенными на себя правилами, не могут избавиться от меня.

Приемная в участке – проходное помещение с единственным окном на всю стену и тремя дверными проемами без дверей. За стеклом – решетки, на подоконнике – пепельницы. У стены ряд старых, затянутых винилом кресел.

Я прислонился к подоконнику боком, чтобы видеть оба мира: снаружи и в коридорах. Рассвет приближался – насыщенная лиловая полоска в разрыве серо-синих облаков. Люди в помещении, несмотря на ранний час, энергично расхаживали и озадаченно хмурились. В дальнем конце коридора, у кофе-машины три офицера в одинаковых немарких формах о чем-то спорили.

Минутная стрелка настенных часов сдвинулась еще на одно деление, облака разошлись второй прорехой – оранжевой, как огонь. Я лишний в этом городе. Он пытается меня выплюнуть – желательно по частям.

Мои документы, в том числе приглашение, забрали – пока университет не подтвердит, что действительно ждут меня. Оставалось дожидаться, когда откроется ректорат и секретарь поднимет трубку – заверить, что да, я – это я, и университет меня нанял. Странное чувство, когда ни один человек в целом городе не знает кто ты. Не то растерянность, не то свобода.

Мне и студентам, грозило максимум – «общественные беспорядки» из-за сработавших каскадно сигнализаций. У Давида были приводы, а на каждом горшке с марихуаной и кактусами его отпечатки. Полиция – это его проблемы и его выбор. В чужой выбор не вмешиваются.

Но, уходя от Принца, он убил двоих вампиров. В человеческом полицейском участке правительница мертвых найдет его – и выпотрошит.

Хуже, чем выпотрошил я.

Давид спас мне жизнь, пусть и не намеренно закрыв от того копья. Я вернул его, осознавая, что делаю и зачем. Долг должен был закрыться. Должен был. Но Тень не стала тоньше или светлее.

Зря я ее получил, я не удержу. И обрушу все ужасы, таящиеся в ее недрах, на Каррау.

Нет, нельзя так думать, это уже – сдаваться, уже подвести.

В дневнике Блая чистыми остались лишь три листа. Под последней записью я написал о Давиде, о своем долге ему – и о том, что не знаю, как этот долг вернуть, прежде, чем Тень переполнится.

Сплющенный край солнечного диска выкатился из-за горизонта. Малиново-оранжевый, спелый, как отравленное яблоко – жесткий, как мяч, запущенный в голову.

Я задохнулся, цепляясь пальцами за край подоконника. Колени подогнулись. В глазах – десяток мечущихся оранжевых солнц. Моя Тень – перебитая артерия, сквозь которую хлещет сила. Мерцание на границе зрения серебристое и неровное, как сплошные помехи – зерна дхармы, дрожащие в пространстве и образующие его. Контуры Тени прорезались на полу участка и подались вверх. Чернота в ее внутренностях клубилась и заворачивалась сама в себя.

Солнце суммировало мои долги за прошедший день. И их оказалось больше, чем я ожидал. Сил моих – меньше. С волной тошноты и головокружение упало артериальное давление. Я сам сейчас упаду.

Упаду в тень, которая, предчувствуя добычу, подалась ближе к моим ступням. Расползлась стеклянным черным озером, жадно облизывающим обувь. Ждущая. Голодная. Упаду, и это будет конец. Ей нужно лишь дождаться мига, когда я потрачу больше силы, чем приобрету, когда мой резерв иссякнет. Нет уже никакого резерва.

Пальцы скользнули по краю подоконника, я начал заваливаться на бок, подхваченный вращением мира и десятью огненными солнцами, приветствующими мой конец.

– Эй-эй-эй! – Жесткие руки подхватили меня, не давая упасть. Женщина, которую я видел лишь как темное пятно, пахла плохим стиральным порошком и булочками, и удерживала меня, оставляя синяки, но спасая мне жизнь. – Ты что?

– Я в порядке... сейчас буду. – Невнятно произнес я. Язык слушался так же плохо, как и ноги.

Тень тянулась вверх, выбрасывая протуберанцы-руки и пытаясь выцарапать себя в реальность. Крошечными пальцами с тонкими загнутыми словно кошачьи, когтями, Тень царапала воздух. Руки ее не дотягивались до меня – и опали вниз.

Женщина опасности не видела. Она помогла пройти мне два медленных долгих шага – к креслу, в которое я смог уже сесть, а не упасть. Количество солнц, празднующих мою скорую смерть, сократилось вдвое.

Женщина опустилась передо мной на корточки. Спросила что-то. Но я не расслышал ни слова. В ушах шумело, на границе зрения мерцало. Я дошел до последнего предела истощения – прана вытекала уже не из резервуаров, а из каналов. Первые стадии смерти.

Тень потянулась к женщине, предлагая всё сделать быстро и легко: вот у нее артерия с тонким просветом, мы можем... Женщина носила черную форму дежурного полицейского, и была немолода. Лет шестьдесят – шестьдесят пять. Возраст, до которого я никогда не доживу. Расплывчатая материнская фигура, темное морщинистое обеспокоенное лицо. Она отвернулась, окликнув кого-то по имени – но человек не отреагировал.

Люди чувствуют опасность лучше, чем думают. Приемная сейчас, когда моя тень тянула силы из меня как водопроводный сток, опустела. Подошла только эта полицейская. Может быть, у нее глухая интуиция. Или особенно развито чувство долга.

– Я в порядке. – Повторил я еще раз. – Это давление упало. Не нужно... не беспокойтесь.

– Точно не звать врача?

– Да, точно. Спасибо. – Я представил, как она уходит – вкладывая в образ немного утекающей силы. Чем она дальше – тем меньше искушения отдать её Тени. Меня это все равно не спасет.

– Может, кофе?

– Да. То, что нужно. Сейчас... – Я нырнул в карман за мелочью, но запутался. Рукава мешали, пальцы мешали.

– Здесь бесплатный. – Она поднялась, сжав на миг крепкие ладони на моих коленях. – Сиди. Сейчас принесу. С сахаром?

Я откинулся на спинку кресла. Головокружение отступало – зато появился озноб. Женщина широкими шагами прошла через приемную. Крикнула вновь кого-то – и опять её не услышали. Направилась через коридор к кофе-машине.

Конечно, та заела. Город не станет бесплатно снабжать меня кофе с сахаром. Полицейская постояла у автомата. Дернула его несколько раз. Виновато оглянулась в мою сторону – и ушла.

Я закрыл глаза.

Собирая мысли – нить за нитью. Собирая остатки силы – капля за каплей.

Вот и ответ: я ждал знак – помочь Давиду или оставить всё как есть. Мне помогли, когда я не просил. Хотя кофе я вряд ли дождусь. Нужно закрыть долг перед Давидом – сейчас это единственный исток, который я могу заблокировать.

Я растер ладони, ускоряя бег крови. Ладонями растер лицо – от крыльев носа к глазам. Концентрируясь на координате, достал из сумки, все еще мешающей под пальто, набор карт.

Моя колода ручной работы. Старшие арканы – как у Райдера-Уайта, а эскизы малых – результаты личных исследований. Понадобилось больше года, чтобы их увидеть – и еще столько же, чтобы понять. Нарисованы не на бумаге, а на тонких срезах дерева. Размер – под мою небольшую ладонь.

Их приятно держать в руках. Я поднес к лицу и вдохнул запах – землисто-деревянный, старый.

Глядя в одну точку перед собой – на стену, а не в тень, я перетасовывал карты. Мелкая моторика, привычные движения. Успокаивающее прикосновение гладкого – родного – дерева. Быстрее. Ровный темп. Синхронизируя дыхание и то, как смешиваю карты – пока это не стало единым процессом. Входя в легкий транс.

Первая карта – представив Давида таким, каким я видел его в последний раз: уходящим по коридору. Руки за спиной, плечи ссутулены, взгляд блуждающий и странный. Словно он не понимает, где находится, но готов вцепиться в глотку любому, кто даст повод.

Семь мечей. Хитрый человек войны и ума. Он – все еще он, а не занявший его тело демон. Хорошо.

Протягивая через образ Давида и центр карты зеленую яркую нить – вперед. Туда, куда держит путь будущее. Двигаясь по ней – пока руки не споткнулись.

Вторая карта – всадник с черепом вместо головы, на коне, в чьих ребрах живут черви.

Так было: ман – всадник, несущий смерть. Смерть, пришедшая за ним. Однако, я смотрю будущее, а не прошлое... Давид умрет. И очень скоро. Оставив мой долг открытым.

Я положил Смерть отдельно и достал еще одну карту. Может быть, случайно. Может быть, случайностей не бывает.

Подвешенный за ногу человек свисал на Т-образном кресте. Лицо его выражало блаженство, член эрегирован, а из рассеченной шеи в подставленную деревянную чашу стекает кровь.

Повешенный был жертвой. Но – жертвой добровольной. Нет, нехорошо включать такое, когда рядом вампиры... и все же лучшей карты для Давида не было.

Я сложил карту на карту: хитреца семерки мечей и человека, отдавшего себя неизвестному. Представил, как линия жизни Давида проходит через плоскости рисунков, теряясь в обоих направлениях: прошлом и будущем.

Слабое будет колдовство. Сил у меня мало. Привязок нет. Нет, одна есть. Я достал сигареты, одолженные Давидом, и положил сверху на карты.

Тень смеялась на полу, зная, что не сработает. Пустое воображение.

Аркан Правосудия один из моих любимых. Второй после Звезды. На ней – женщина, одетая в алое платье, закрытое доспехом, и белый плащ, невесомо лежащий на плечах. В одной её руке меч острием вверх, в другой – меч острием вниз. Символы атаки и защиты. Ей не нужны весы – она сама весы. Перо скользит в воздухе – вот-вот коснется лезвия поднятого меча. Её лицо выражает беспристрастную любовь, а за спиной – тонкие перистые облака, формирующие древние знаки. Это Правосудие высшее, а не смешное земное. И все же – самый подходящий аркан.

Карту было жаль.

Весь набор было жаль. Это его испортит.

Пришлось опираться на подлокотник, чтобы встать. Головокружение вновь нахлынуло – но меньше. Я выждал, пока оно прекратится – прежде, чем шагнуть в центр комнаты.

Эффект от реакции Тени на рассвет уже прошел – люди в приемную заглядывали, пересекали ее, правда, очень быстро, и не обращая на меня внимание.

Я выдохнул. Попросил прощения у колоды. И, стоя в центре дома Правосудия, разломал карту. Трещина разделила прекрасную женщину на две части – прокладывая черную преграду между разумом и движением, а затем дерево издало болезненно «крак», и у меня в руках остались две половинки. Я отпустил приказ.

Ничего не происходило.

Город выдерживал. Он огромный и инерционный, одно-единственное соответствие – слишком мало, чтобы изменять. Но мне нужен не весь город, а лишь этот конкретный полицейский участок. Мое желание было выпущено на волю, и теперь я усиливал его, становясь первым деятелем хаоса.

Двигаясь медленно, как если бы воздух стал жидким и тек навстречу, я добрался до угла, где сидела плакавшая женщина – она ушла давно. Уронил половину карты за спинку кресла. Сел в кресло передыхая. Пока сидел, достал ручку, и написал на подлокотнике ругательство.

Поднялся и так же медленно прошел в противоположный угол. Разломал карту еще на две части – на этот раз получилось быстрее и без магии – просто акт разрушения, внезапно озаривший меня злой дикой радостью. Одну половинку я спрятал под ближайшую пепельницу на подоконнике, другую – под дальнюю. Раскрошил сигареты Давида и швырнул на пол.

Бубнивший в коридоре разговор перешел на крик: кто-то спрашивал, кто-то на повышенных тонах отвечал.

Содержимое двух оставшихся пепельниц я высыпал на белый подоконник и пальцем начертил в мусоре знак хаоса.

Город пытался поглотить мое влияние, выровнять ситуацию. В спор вмешался громкий, но успокаивающий голос. В коридоре образовалась толпа из спешно входящих и выходящих. Но я уже посеял хаос – хаос это зверь, которого можно отпустить, но нельзя посадить на цепь. Пока он не наестся и не уснет.

Не отрывая взгляд от коридора, где возникла потасовка, я стянул пальто, и, вывернув, надел его изнаночной стороной вверх.

Двое мужчин вцепились друг в друга, пытаясь повалить на пол. Толкая один другого на стены коридора. На кофе-машину, которая звякнула и вдруг перевернулась.

Вопли – оба отскочили от автомата, из которого во все стороны брызнуло кипятком. Секундная остановка. Тот из двоих, что был ниже, вскочил на ребро поверженного автомата и, используя возвышение, прыгнул на второго. Молотя кулаком по голове одной рукой, а другой вцепившись в его одежду. Щуплый полицейский бросился их разнимать – и его отшвырнули в сторону, даже не обратив внимания.

Входная дверь открылась – в коридор с улицы шагнула девушка. Тут же отшатнулась – но сзади кто-то шел. Он толкнул ее вперед, на дерущихся.

Девушка увернулась – избегая потасовки, и прижалась спиной к стене. Застыла, прижимая к груди пластиковую сумку-папку. Круглые глаза за круглыми стеклами очки. Колени, которые начали подгибаться.

Пройти мимо сцепившихся мужчин было несложно – но она оцепенела.

Что ж, вот способ отдать еще один крохотный долг.

Я, стараясь не становиться в пространство, занятое, Тенью и касаясь на всякий случай рукой стены – голова кружилась, вышел в коридор, и, обогнув двоих, борющихся на развалинах автомата для кофе, подхватил девушку под локоть. Три шага она упиралась. Три шага бежала,

спотыкаясь на высоких каблуках. Раз дернулась всем телом, когда один из мужчин впечатал другому кулак в нос, выкрикивая оскорбления.

Из коридора, в приемную, где я провел столько времени, в еще один коридор. Девушка оглядывалась назад, словно боялась преследования. Через одежду прощупывался её пульс – быстрый и мелкий.

Я отпустил – и она отшатнулась, прижимая сумку к себе – собираясь на этот раз обороняться, кажется, от меня.

– Они... они там... – Выдохнула она. – Какое варварство!

Она была высокой и сутулилась, как делают те, кто стесняется своего роста. Но носила каблуки, добавлявшие ей десяток сантиметров. Ноги от этого выигрывали... красивые ноги. Много длинных красивых ног, затянутых в тонкие блестящие колготки, и скрытых юбкой чуть выше аккуратных коленей. Блузка, короткий алый пиджак, скрадывающий грудь, и подчеркивающий печальный изгиб плеч. Белые волосы, свернутые узлом на затылке, минимум косметики, огромные зеленые глаза за круглыми толстыми диоптриями.

Девушка меня тоже рассматривала – и хмурила маленький нос. Легкое брезгливое выражение – как если бы от меня воняло.

Я снял пальто, вывернул и надел правильно.

– Вы – Конрад Анатолиса? Я Рина. – Секундное колебание, прежде чем протянуть мне руку. – Ассистент профессора Иррагина.

– Кого? – Руку я пожал. Осторожно.

Она вновь нахмурилась. На этот раз бровями:

– Профессора ректора Иррагина. Нам позвонили насчет вас, и это... – Она вздохнула.

– Достаточно было подтвердить по телефону. – А не заставлять меня ждать так долго. – Пойдемте?

Я повел её к столу дежурного – подтвердить что да, университет меня нанял и ждет, чтобы я смог забрать документы и наконец-то уйти отсюда.

Дежурный сидел в очередном холле со сквозными коридорами. Я даже решил, что смотрю на ту же потасовку – но это были другие люди, и двое из них – в форме. Они пытались удержать вырывающегося из всех сил третьего.

Дежурный – молодой мужчина с тяжелыми мешками под глазами, сунул Рине бумаги на подпись, а мне – пакет с паспортом и дипломами, он смотрел он на дерущихся, а не на нас.

– На фото вы моложе... – Зависла девушка над полем подписи. Взгляд на меня. Взгляд на бумаги. Неуверенно: – Вы же моложе?

– Это всё знания. Много знаний. Вы подписываете? Я хочу уйти.

Завитки изысканной длинной подписи она вырисовывала едва ли не полчаса.

– Вы ведь в курсе, что у вас сегодня нулевой урок? – Произнесла девушка. – У нас старое уважаемое учреждение, и расписание не нарушалось уже...

Дежурный вызвал по рации помощь – и сам пошел помогать удержать того, кого двое никак не могли свалить на пол.

Соседняя дверь распахнулась, и из нее хлынул человеческий поток. Бегущий, кричащий, проскальзывающий на полу, пытающийся вырваться и ударить приливной волной. Он заблокировал выход – в узком коридоре началась давка.

– Что вы здесь делаете, вы же должны...? – Появилась откуда-то сбоку женщина-полицейская, которая не дала мне упасть в Тень и накормить Тень. Она держала одной рукой рацию, а другой кофейник.

Она действительно ходила за кофе. Для меня.

Выстрел прозвучал глухо, словно кто-то неудачно хлопнул в ладони.

Кофейник в руке старой полицейской лопнул, брызнув жидкостью мне и Рине на обувь. За ее спиной темные брызги выплеснулись на окрашенную белым стену.

Прошел долгий миг, прежде чем я понял, что на стене – это не кофе. Еще миг – и меня обдало знакомой волной боли-электричества, прошедшей рядом смерти.

Женщина медленно подогнула колени и легла на пол.

Я схватил Рину за руку и потянул в противоположную от человеческой толпы сторону. Прочь от криков, воплей «Стоять!» и «Прекратить!», и беспорядочных, как осенние листья, выстрелов.

В кабинете ректора витал дух секса.

В буквальном смысле.

Вытянутое серо-синее существо, очертаниями как распухшее женское тело, только без головы и с красно-розовой бахромой языков в районе гениталий. Ларва дрейфовала в потоках несбалансированной энергии, от окна к двери, от двери к столу, вращалась в медленном тошнотворном вальсе, и отплывала на "хозяйское" место у начальственного кресла. Раскормленная и все равно голодная.

Ректор, когда я вошел, из-за заваленного бумагами и безделушками стола не встал, и руки не подал. Смотрел на меня прозрачным ровным взглядом – в котором одновременно усталость, брезгливость и абсолютное чувство превосходства. Как будто я ничтожество, посмевшее в его присутствии дышать. А он как раз решает, раздавить меня сразу, или после пары минут наблюдений.

Гадкий взгляд. Сам же мужчина не представлял ничего особенного: среднего роста, лет шестидесяти, одно плечо выше другого, тонкие до прозрачности волосы зачесаны на бок, прикрывая лысину. Его кабинет был самым большим кабинетом из всех, что я видел в своей жизни, но и самым тесным: шкафы с книгами – не рабочими растрепанными, а с ровными новыми корешками – декорации, а не друзья. Сувениры, плакаты, картины, наоборот, такие, будто их постоянно терли, пытаясь извлечь из них как джинна из лампы, воспоминания. Они занимали всё то место, что осталось свободным от книг и от духа.

Ларва выпустила протуберанец в мою сторону – я отшагнул. Невесомая нить зависла в воздухе. Затем медленно опустилась на пол, тая и скатываясь в залежи пыли по углам.

– Нужна ваша подпись. – Повторил я, потому что ректор ни на приветствие, ни на первое упоминание документов – после почти минуты молчания, не ответил. Я положил приглашение Иррагину на стол – прямо под руку. На приглашении, которое в полной мере официальным документом не было, ровный столбик подписей всех двенадцати попечителей университета. Для того чтобы получить эту должность не хватало официального утверждения Иррагина.

– Вы понимаете, – медленный голос, как будто ректору каждую секунду оплачивают отдельно, – что вас не увольняют только потому, что официально еще не зачислили в штат.

Я отступил на шаг – от хозяина кабинета и от очередной попытки ларвы меня коснуться. Скрестил на груди руки – тварь скользнула мне за спину, по позвоночнику словно наждаком погладили.

Если ректор сейчас скажет, что ночное происшествие стоило мне работы – выхода не останется, только покинуть город. Вообще выхода не останется, потому что наличных у меня – всего на три дня. Неважно, где я буду ночевать: на улице или в отеле. Без подтвержденного приглашения, я – легкая и вкусная добыча.

Ректор тарасился на меня прозрачным взглядом и выдерживал паузу. Тот, кто обладает властью, пугает. Особенно если смотрит так, будто сейчас сожрет.

Ларва поднялась к потолку и зависла над ректором. Содрогнулась студенистым телом, предчувствуя обед: волну моего страха, или может быть агрессии. Любые эмоции. Такая здоровая тварь способна питаться почти чем угодно, необязательно похотью.

Я проговорил мысленно все возражения, которые хотелось швырнуть Иррагину в лицо, и кивнул:

– Да, конечно. Вы меня выставите. Если я дам повод.

Иррагин провел пальцами по папке с моим делом и взял первый лист. Щурясь, но, кажется не читая.

– Ваша задача, – проскрипел он, – прочесть курс по книге. Всё. Никаких хождений за студентами по ночным барам. Никаких личных контактов. Это вредит репутации университета. Вы понимаете?

Я кивнул.

– ...Как там она называлась?

Как будто название книги может быть в бумагах. Как будто Иррагин впервые услышал обо мне этим утром. И как будто это был не бестселлер, и не из-за него приглашал университет. Я немного потасовал вероятности, конечно, чтобы привлечь внимание, но из всех городов откликнулся только Каррау.

Казалось, что всё так удачно складывается: в университете для меня есть должность, Принцу нужен маг.

Ларва заплыла Иррагину за спину. Деформировалась, вытягивая два фиолетовых отростка вперед, обнимая ими его за плечи и пробив серо-дряхлые остатки ауры. Жгуты потянулись сквозь Иррагина ко мне – два жадных образа рук, с языками-пальцами и вульвами-ладонями. Чтобы подавить тошноту, я сконцентрировался на дыхании.

Иррагин смерил меня презрительным взглядом, снизу вверх. Послюнявил палец и перевернул подряд три страницы документов.

– «Вторая Эволюция», – Я шагнул в сторону, отходя в последний момент от отростков ларвы и избегая прикосновения. – Критика идей Файерабенда и новая модель развития научно-технической мысли. С акцентом на греческое "техно" в данном случае.

– Да. Мда. – Очень скептическое «мда». – Вы ведь не единственный автор монографии?

– Нет.

– И какое право вы имеете право выступать от лица своих... мгмх... соавторов? – Буравя меня светлым взглядом. – Что, если они не разделят того мнения которое вы выскажете, а вы что-нибудь выскажете обязательно, и, работая здесь, втянете университет в очередную пустопорожнюю дискуссию... Которая опять выльется в судебные разбирательства. Вы понимаете?

На этот раз – только то, что ларва уже повредила мозг ректора.

– Вот, например, – ткнул он пальцем в стол, – ваш первый соавтор. Профессор Аннаут Испанский... это фамилия – Испанский? – Что он думает по поводу того, что это именно вы, а не он, представляете общую работу в нашем ...университете?

Ректор произнес имя учителя как ругательство. Ларва обернула Иррагина дымным розово-фиолетовым облаком.

– Это фамилия. Он ничего не думает.

Ректор жал пальцем в столешницу – как будто в невидимую кнопку.

– Ну? – Наклонился он вперед.

– Он ничего не думает. Он мертв.

Иррагин моргнул. Медленно отодвинулся.

Люди обычно бормочут что-то про то, как им жаль – хотя не жаль. Мне самому почти не жаль. Или спрашивают подробности, пытаясь выдать искусственное любопытство за искусственное сочувствие. Иррагин молчал.

Он боялся смерти. Боялся думать о ней. Боялся видеть её.

Во главе университета надувная кукла.

– А третий соавтор? – Наконец спросил он.

– Блай Радрик. Они были вместе. Несчастный случай.

– А. – Ректор плюхнулся в кресло, откидываясь назад. Сдержанно-удовлетворенный.

Ларва отлепилась от него и опять поднялась к потолку.

– Если мы вас возьмем – то как временного сотрудника. – Продолжил ректор. – Но правила одинаковы. Вы обязаны публиковать по две статьи ежемесячно. Если они будут... хорошего качества... наша комиссия подыщет вам грант. И, конечно, контракт будет продлен. Вы собираетесь продолжать работать над... эволюцией технологии?

Вот он, пряник. Найдем вам грант, возьмем вас на длительный контракт. Если вы напишете вторую книгу – даже если она будет повторять первую слово в слово – всё написанное во время работы в университете считается собственностью университета.

Ни о каких статьях речи не было прежде, но я кивнул. Это несложно. Вторую книгу критики я писать не собираюсь, мне вообще не нравится эта идя – но мы с Блаем были подмастерами, подмастерья не выбирают тем. Они собирают материал, носят кофе, питают мастера.

Ректор постучал пальцами по моим документам.

Я надеялся, что официальное устройство на работу хоть немного перекроет отсутствие официального приглашения от главы города. Но ректор – игрушка ларвы. У него нет здесь власти. И все же, работа даст мне доступ в лабораторию, возможных учеников и немного денег. Если я проживу достаточно, чтобы ими воспользоваться.

– Вы, вообще, слышали, что я спросил? – Проскрипел мужчина.

– Да. Я пока не думал о продолжении исследований в этом направлении.

Иррагин брезгливо скривился

– Подумайте.

Затем наклонился и черкнул подпись в нужном месте.

Ничего не произошло.

Так и есть – кукла. Пустышка, у которой изнутри выели всё, кроме чувства превосходства и шаблонных фраз.

– Расписание базового курса у секретаря деканата. Расписание работы по гранту – у моего. Можете идти.

Я остановился:

– Что значит – “базового курса”?

– Всемирной истории.

Фиолетово-черный отросток метнулся от ларвы к ректору. Присосался к шее. Пульсируя, перекачивал сгустки энергии от него – к твари. И от твари – к нему. Они входили в тонкое тело мужчины, которое вдруг увеличилось и стало таким ярким, что можно разглядеть даже обычным зрением. Запущенные ларвой мысли-желания двигались в нем, как паразиты под кожей.

Ректор вскочил, его кресло с грохотом отъехало. Упираясь руками в стол:

– А что вы думали? – Зашипел Ирвин. – Кататься на волнах дешевой популярности? На ваш курс изъявил желание записаться едва ли десяток человек. Это НЕ-РЕН-ТАБЕЛЬНО. Вы будете читать нормальную историю, нормального курса, а не только болтовню про втор-эволюцию разводиться. И если мне доложат, что вы не справляетесь – вы вылетите отсюда в первый же час. Вы ведь уже и повод дали, да?

Второй жгут – от рта-гениталий ларвы к гениталиям ректора. Крупный темный влажный сгусток полз по нему, заставляя ложноножку сокращаться и расширяться, как горло удава, пытающегося проглотить слишком много.

Я отвел взгляд. Медленные рваные вдохи сквозь стиснутые зубы – сдерживая рвотный рефлекс.

Тень черной расплзающейся кляксы потянулась к ларве – присоединиться к пиршеству, урвать что-нибудь и себе. Я сжал кулаки, останавливая ее.

Большой базовый курс истории. О котором я ничего не знаю. Подготовка к каждой лекции отнимет бездну времени. И ректор уже подписал бумаги. Если я разорву их – это разорвет контракт?

– Вы почему молчите? – Повышая скрипучий голос. – Я с вами разговариваю. Вы можете смотреть на того, с кем беседуете, или это слишком сложно?

– Второй курс. – Произнес я. – История. Я понял. Что-то еще?

– Нет. Два курса. Комитет. Всё.

– Какой комитет?

Ректор прищурился:

– Вы же хотели подавать на грант. – Я не хотел. Это он сам за меня решил. – Так дела не делаются. Сначала вы участвуете в других грантах в качестве... помогающего. Мы смотрим на вас – и решаем.

Иными словами – бесплатно работать.

– Понял.

Я развернулся и поспешно вышел.

Если задержусь еще на миг – меня стошнит. Когда я закрывал дверь, ларва тряслась фиолетово-серыми телесами, выбрасывая в воздух гнойно-белые сгустки и нити.

Оказавшись в приемной ректора, я отошел к окну и приоткрыл его. Вдыхая морозный воздух и выдыхая затхлый, который принес с собой из кабинета. Продышать легкие. Вымыть руки. Очиститься от того, как близко ко мне была тварь и ее раб.

Секретарь ректора – сильно крашеная худая женщина, сидя боком на столе, обнимала всхлипывающую Рину. Секретарю могло быть и тридцать пять и шестьдесят пять – под маской из косметики не разобрать. Длинные гладкие до лакового блеска иссиня-черные волосы чуть колыхались, словно подхваченные вращением такой же черной ауры. Ведьма. Понятно теперь, кто посадил ректору ларву.

Рина возвышалась над секретарем на полторы головы – и «сложилась», чтоб пристроить лоб на плечо женщины. Ведьма говорила ей что-то монотонное и успокаивающее, поглаживая девушку по плечу. Аура секретаря, свернутая опасным обратным вихрем, в темпе ее слов касалась ауры Рины, разрушая очаги напряжения.

– ...она же стояла совсем рядом, а потом – всё, и кровь, господи, столько крови... – Бормотала Рина.

Истерика у нее началась еще в автомобиле – зеленом компакте с “экологическим” электродвигателем. За руль пришлось сесть мне, Рину начало трясти, но при мне она не плакала. Только смотрела на мир расширенным взглядом и повторяла, что “я даже не поняла”, “я думала это розыгрыш”, “это же полиция, тут должно быть безопасно...”.

Ректор умудрился наставить жирных точек на моем контракте – и вписать в него своей рукой пункт о втором курсе. К счастью, обязательств участвовать ни в каком комитете, прописано не было. К несчастью, он приложил, и подписал, еще один лист.

“Условия досрочного прерывания” гласили, что если мой основной курс будет посещать менее шести студентов – университет оставляет за собой право прервать его в любой день семестра. Иными словами: если я не буду популярен – меня уволят.

– Да, да. – Секретарь, удерживая одной рукой Рину, вторую вытянула в мою сторону и требовательно шевельнула пальцами – мол, давай бумаги сюда.

Быстро просмотрев:

– В кадровый. В бухгалтерию. Копии сделать этажом ниже. Вам что, кто-то разрешал окно открывать?

Мягко отталкивая от себя Рину:

– ...милая, ну хватит. Смерть она такая – неожиданная.

К первому, а точнее, нулевому уроку я опоздал. Университет оказался лабиринтом с планами эвакуации на стенах, пригодными только для того, чтобы завести в глухой тупик. Из одной

администрации меня отправляли в другую, из одной бухгалтерии – в третью, пока я не понял, что времени на эти игры нет – студенты ждут уже семь минут.

В списке, который я получил, значилось, что на мой курс записано сорок человек. Но коридор химического крыла становился всё уже, а кабинеты, в которые я по пути заглянул, всё меньше. В преподавательской, размером со шкаф, закинув ноги на спинку соседнего кресла, курил усатый старик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.